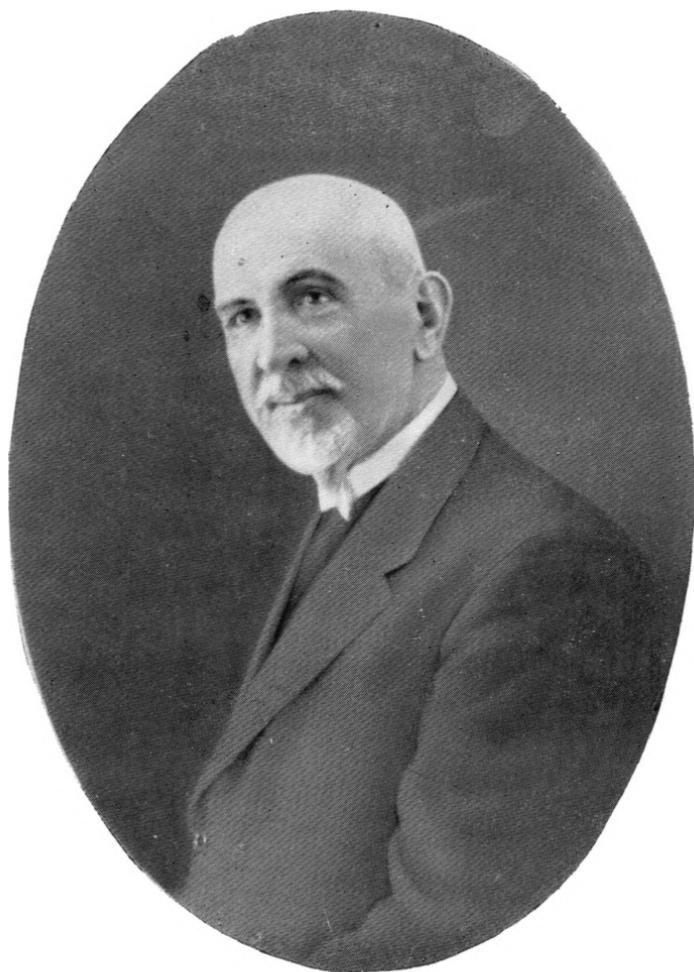

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник 111

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

В. С. ГОЛЕНИЩЕВ

В. В. СТРУВЕ

ЗНАЧЕНИЕ В. С. ГОЛЕНИЩЕВА ДЛЯ ЕГИПТОЛОГИИ

В. С. Голенищев был одним из тех немногих богатых людей, которые жили не бездумной жизнью, а создавали непреходящие ценности в области науки и культуры. Уже в отроческие годы у Владимира Семеновича появился интерес к древней культуре Египта, где ему было суждено провести много лет.

Содействовал этому влечению его домашний учитель¹, швейцарец по национальности, человек обширных знаний и страстно влюбленный в наследие древних культур, особенно в памятники Египта с их своеобразными письменами. Владимир Семенович Голенищев всегда с благодарностью вспоминал этого своего первого руководителя в мире науки, призывавшего его вступить на тернистый, но заманчивый путь изучения надписей, тайна которых была открыта великим французским ученым Шампольоном.

Увлеченный яркой культурой древнего народа долины Нила, В. С. Голенищев уже четырнадцатилетним мальчиком приобрел первый древнеегипетский памятник, положивший начало его всемирно известной коллекции предметов культуры древних народов Египта и других стран Ближнего Востока. Уже тогда он не довольствовался просто обладанием памятников, но стремился изучать их и расширять свои знания культуры Египта. Поэтому еще задолго до поступления в Петербургский университет В. С. Голенищев начал серьезно изучать письмо и язык древнего Египта.

Результатом этих упорных занятий было его первое исследование, завершенное в марте 1874 г. и напечатан-

¹ Я, к сожалению, забыл имя и фамилию гувернера В. С. Голенищева, о котором последний говорил с большой признательностью, когда вспоминал египтологические занятия своей юности.

ное в том же году в авторитетном специальном журнале *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* ².

В начале своего краткого исследования восемнадцатилетний adept египтологии предложил для иероглифа «запад» чтение «satem» наряду с чтением «ament» ³. Правда, это положение не удержалось в науке. Во второй части он вносит существенное дополнение в понимание социального термина *nh pw plwt* ⁴. Дело в том, что один из английских ученых интерпретировал его безоговорочно, как «the women», но юный русский египтолог установил, что термин был применен и по отношению к фигурам двух мужчин, изображенных на стеле.

В следующем, 1875 г., будучи уже студентом Восточного факультета Петербургского университета, В. С. Голенищев публикует в том же специальном журнале «*Miscellanea*» ряд интересных наблюдений по чтению и толкованию отдельных иероглифических знаков ⁵.

В том же году и в том же специальном журнале выдающийся немецкий египтолог А. Эрман, родившийся в 1854 г., напечатал свое первое исследование, посвященное установлению ранее не отмеченных в древнеегипетском языке форм двойственного числа ⁶. Так Владимир Семенович впервые познакомился с исследовательской работой этого ученого, с которым он в дальнейшем неоднократно вступал в благородное соревнование в области изучения древнеегипетского языка, а также в интерпретации вновь издаваемых ценнейших памятников замечательной литературы одаренного народа долины Нила. В 1876 г. В. С. Голенищев опубликовал еще несколько мелких наблюдений над отдельными иероглифическими знаками ⁷, но главным событием в этом году для него было выступление на Международном конгрессе востоковедов в Петербурге. Это была вы-

² W. S. Golénisheff, *Über die Aussprache des Wortes* und über das

Wort   — ZAS, Bd 12, 1874, S. 35—36.

³ Gardiner, *Eg. Gr.*, p. 490.

⁴ Я пользуюсь той транскрипцией египетских слов, которая принята теперь большинством египтологов.

⁵ W. Golénisheff, *Miscellanea*, — ZAS, Bd 13, 1875, S. 74—76.

⁶ A. Erman, *Über eine dem Dualis eigenthümliche Form des Suffixes*

 Ibid., S. 76—77.

⁷ W. Golénisheff, *Miscellanea II*, — ZAS, Bd 14, 1876, S. 77—80.

сокая честь для двадцатилетнего юноши, студента II курса университета. Он выступил с докладом, посвященным содержанию папируса, открытого им в Эрмитаже и названного условно «Папирус № 1 Санкт-Петербурга». По мере дальнейшего изучения этой рукописи Владимир Семенович установил, что она состояла из двух самостоятельных папирусов, но тогда он видел в ней лишь один цельный манускрипт, содержащий в своей первой части какое-то поучение, а во второй части — исторический рассказ, относившийся к эпохе царя IV династии Снофру⁸. Вызывает восхищение то искусство, с которым юный египтолог сумел извлечь из фрагментированной иератической рукописи с потускневшими курсивными знаками любопытные и существенные для историка данные ее содержания.

Доклад имел на конгрессе большой успех, и студент II курса В. С. Голенищев обратил на себя внимание профессоров Восточного факультета. Особенно близок В. С. Голенищеву стал его руководитель знаменитый арабист В. Р. Розен, который видел в нем уже не студента, а самостоятельного исследователя. Под его руководством Владимир Семенович успешно занимался арабским языком, прекрасно понимая, какую огромную пользу во время его пребывания в Египте и в других арабских странах принесет ему знакомство с языком их населения. Пройдя строгую школу своего учителя, широко эрудированного востоковеда, Владимир Семенович постиг сложную и точную методику востоковедных филологических дисциплин и вместе с тем убедился в необходимости наряду с культурой специально изучаемой страны знакомиться и с культурой смежных с ней стран. Поэтому, увлеченный изучением письма, литературы и искусства Египта, В. С. Голенищев интересовался также и другими древневосточными культурами и в первую очередь великой вавилоно-ассирийской культурой, влияние которой в истории человечества было столь же действенным, как и влияние культуры Египта.

Владимир Семенович, будучи еще студентом, приступил к самостоятельному изучению вавилоно-ассирийской клинописи и уже в 1888 г. опубликовал первый выпуск своего труда «Опыт графически расположенного ассирийского словаря»⁹. К сожалению, решение других стоявших перед ним задач не дало ему возможности завершить начатый труд, но тем не менее Владимир Семенович будет жить в истории ассириологии

⁸ Основные тезисы своего доклада В. С. Голенищев опубликовал в ZAS, Bd 14, 1876, S. 107—111.

⁹ В. С. Голенищев, *Опыт графически расположенного ассирийского словаря*, вып. I, СПб., 1888.

как исследователь, положивший начало созданию графически расположенного клинописного словаря, столь необходимого для изучения вавилоно-ассирийской письменности. Наряду с египтологическими студиями Владимир Семенович занимался интерпретацией тридцати клинописных табличек, купленных им в середине восьмидесятых годов в Константинополе. Владимир Семенович приобрел их, доверяя своему умению отличать подлинные памятники от искусно изготовленных подделок. При изучении этих табличек он установил, что их письмо восходило к вавилоно-ассирийской клинописи, но вместе с тем имело такие палеографические особенности, которые создавали для фонетического определения знаков этого письма большие трудности. Для преодоления последних требовалось сравнительное изучение других известных тогда клинописных систем. Во время своего пребывания в Египте зимой 1888/89 г. Владимир Семенович заинтересовался только что найденными в Телль-эль-Амарне, столице царя Аменхотепа IV (Эхнатона), клинописными табличками, решив сравнить их письмо со своеобразным типом клинописных знаков «каппадокийских табличек» своего собрания. С этой целью он приобрел для своей коллекции две таблички, найденные в Телль-эль-Амарне, а несколько наиболее сохранившихся клинописных документов, попавших в Булакский музей, он тщательно скопировал. Впоследствии Владимир Семенович приобрел еще третью фрагментированную табличку из Телль-эль-Амарны.

При сопоставлении документов из Телль-эль-Амарны и «каппадокийских табличек» в палеографическом отношении сходства между ними не было обнаружено¹⁰. Глубокое и вдумчивое изучение Владимиром Семеновичем разнообразных клинописных систем ускорило завершение труда, посвященного изданию его «каппадокийских табличек». В декабре 1891 г. он опубликовал свою монографию, состоявшую из исследования и автографий тех 24 из 30 табличек, текст которых сохранился в более или менее удовлетворительном виде¹¹. В связи с автографией таблички № 1 автором была дана и автография оттиска печати на ней. В самом исследовании Владимир Семенович установил список многочисленных соответствий между клинописными знаками «каппадокийских табличек» и знаками

¹⁰ В. С. Голенищев, *Археологические результаты путешествия по Египту зимой 1888/89 г.*, — ЗВРАО, т. V, вып. 1, 1890, стр. 5—8.

¹¹ Монография была издана литографским способом в Петербурге. К ней была приложена фотокопия оттиска печати на табличке № 1 (W. S. Golénisheff, *Vingt-quatre tablettes Cappadociennes de la collection W. Golénisheff*, SPb., 1891).

вавилонно-ассирийской клинописи. Он отметил также ряд ассирийских слов в тексте издаваемых им документов. Изображения на упомянутом выше оттиске печати были подвергнуты автором тщательному историко-художественному анализу¹².

Издание В. С. Голенищевым 24 клинописных табличек, происходивших из Каппадокии, вызвало громадный интерес в среде ассириологов и историков древнего Востока, так как раньше были известны лишь 4—5 экземпляров. Теперь же на основании издания Владимира Семеновича и при учете его наблюдения над письмом и языком этих текстов стало возможным появление прекрасной работы Fr. Delitzsch'a «Beiträge zur Entzifferung der kappadokischen Koilschrifttafeln»¹³, доказавшей, что «каппадокийские таблички» являлись древнейшим памятником ассирийского языка и письменности.

В. С. Голенищев, обогативший ассириологию источниками для изучения ассирийского языка, в свою очередь использовал данные вавилонно-ассирийской грамматики при исследовании одной из глагольных форм египетского языка, так называемого псевдопартиципа¹⁴. Но он интересовался не только языком и письмом Ассирии и Вавилонии, но также и их историей. Так, в опубликованном им путеводителе по собранию ассирийских памятников Эрмитажа он описал плиты и их тексты, датированные временем правления царей Ассурнасирпала III и Саргона II (в связи с изложением главнейших событий истории их царствований)¹⁵.

В надписях обоих названных царей играла значительную роль борьба с северными соседями Ассирии: в надписях Ассурнасирпала III упоминались войны с правителями стран Наири, а в надписях Саргона II — войны против смежного со странами Наири царства Урарту¹⁶. Поскольку страны Наири и царство Урарту были близки к границам Российского государства, то вполне понятно, что русского ученого интересовала история северных соседей Ассирии и в особенности Урартской державы. С письмом Урарту, восходящим к ассирийской клинописи, В. С. Голенищев был знаком давно, и, овладев достижениями

¹² Ibid., p. 40—44.

¹³ Опубликовано в «Abhandlungen der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Leipzig, 1892, Bd XVI, B.

¹⁴ W. S. Golénisheff, *Quelques remarques sur la syntaxe égyptienne*, — Rec. Champollion (далее — W. S. Golénisheff, *Remarques*). — Более подробно об этом буду говорить, когда коснусь исследований В. С. Голенищева в области египетского языка.

¹⁵ В. С. Голенищев, *Описание ассирийских памятников Эрмитажа*, СПб., 1897, стр. 3 и сл., 28 и сл.

¹⁶ Там же, стр. 6, 29—30.

М. В. Никольского в интерпретации урартских надписей, он мог внести свой вклад в урартоведение изданием, переводом и комментарием надписи царя Русы II, раскопанной в 1901 г. вблизи Эчмиадзинского монастыря¹⁷.

Работа над «каппадокийскими табличками», ассирийскими и урартскими надписями, Владимир Семенович обратил внимание и на известную печать царя Таркудиму¹⁸ с начертанными на ней клинописной легендой и несколькими хеттскими иероглифами¹⁹. В. С. Голенищев изучал не только клинописные и иероглифические надписи древней Передней Азии, но также и надписи, нанесенные семитическим алфавитом. Он не оставил без внимания нацарапанные в двух местах на скалах среди пустыни несколько химьяритских (савейских) слов²⁰. Учитывая редкость встречающихся в Египте савейских надписей, Владимир Семенович посвятил специальное исследование изданию, переводу и комментарию довольно длинной савейской надписи, вырезанной на деревянном саркофаге, хранившемся в Гизэском музее близ Каира. Надпись, датируемая Птоломеевским периодом, интересна упоминанием в ней бога Сараписа²¹.

Нельзя не отметить хорошее знание Владимиром Семеновичем трудов арабских географов, что ему принесло большую пользу во время его многолетнего пребывания в Египте и других странах Ближнего Востока. Рано приобретенные обширные знания в этой области побудили В. В. Стасова в 1881 г. просить молодого востоковеда прочесть его доклад о «русах», упоминаемых Ибн Фадланом и другими арабскими авторами, на V международном конгрессе востоковедов, на который В. В. Стасов прибыть не мог²².

Широкие знания В. С. Голенищева в области древних языков и культур Ближнего Востока в связи с приобретенной уже в юношеские годы замечательной эрудицией во всех дисципли-

¹⁷ В. С. Голенищев, *Надпись Древневанского царя Русы II*, — ЗВОРАО, т. XIII, 1900, стр. 086—092.

¹⁸ О печати Таркудиму см. Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, Л., 1935, стр. 29.

¹⁹ W. S. Golénischeff, *Le cachet bilingue du roi Tarkûtimme*, — PSBA, 1887, Mai.

²⁰ В. С. Голенищев, *Эпиграфические результаты поездки в Уади Хамамат*, — ЗВОРАО, т. II, вып. 1—2, 1887, стр. 65—79, табл. 1.

²¹ В. С. Голенищев, *Египто-савейский саркофаг в Гизэском музее*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1893—1894, стр. 219—221. — К статье приложены тщательная автография надписи и фотография саркофага.

²² W. S. Golénischeff, *Court résumé de la notice de Mr. W. Stasoff intitulée «Remarques sur les „Rous“ d'Ibn Fadhlân et d'autres auteurs arabes» (texte russe)*, — «Verhandlungen des fünften internationalen Orientalisten-Congresses», Teil II, Haft I, Berlin, 1882.

нах египтологии, а также непревзойденное искусство отличать подлинные предметы от подделок²³ помогли ему создать свое знаменитое собрание египетских и других древневосточных памятников. Следующими словами Б. А. Тураев дает оценку собрания В. С. Голенищева в связи с приобретением ее русским правительством в 1909 г.: «Отрадным предвестником более благоприятного будущего для изучения Древнего Востока у нас было приобретение весной 1909 г. в государственную собственность для Московского Музея Изыщных Искусств первоклассной коллекции В. С. Голенищева. Этим просвещенным актом сохранен был для России и будущих русских исследователей богатейший научный материал, и Москва была приравнена к центрам, обладающим крупными собраниями египетских и других древневосточных памятников»²⁴.

Голенищевское собрание включает такие ценные памятники, как упомянутые выше «каппадокийские таблички», три таблички из Телль-эль-Амарны, уникальные предметы финикийской древности²⁵, арамейские остраконы из Элефантины²⁶, столь редкие папирусы с еврейским текстом²⁷, греческие надписи из Египта²⁸, греческие литературные²⁹ и деловые папирусы³⁰,

²³ История знает много примеров, когда опытные ученые принимали фальшивки за подлинные памятники.

²⁴ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 5.

²⁵ Например, изображение лодки с лежащей в ней человеческой фигурой. См. Б. А. Тураев, *Предметы финикийского происхождения № 4221, 4223 и 4224 Голенищевского собрания*, — «Памятники Музея изящных искусств им. имп. Александра III в Москве», вып. 4, М., 1913, стр. 125—128 (далее — «Памятники...»).

²⁶ В. С. Голенищев был одним из первых ученых, который обратил внимание на памятники письменности, тающиеся в почве острова Элефантины. Зимой 1888/89 г. он приобрел два глиняных черепка с начертанными на них арамейскими надписями (В. С. Голенищев, *Археологические результаты...*, стр. 1—30).

²⁷ См. там же, стр. 2, прим. 2, табл. I, № 4.— А. Я. Гаркави, которому передал Владимир Семенович фрагмент еврейского папируса, посвятил ему исследование «О фрагменте еврейского папируса из собрания В. С. Голенищева», — *ЗВРАО*, т. V, вып. 1, 1880, стр. 31 и сл.

²⁸ См. Е. М. Придик, *Греческие надписи из коллекции В. С. Голенищева*, — *ЖМНП*, 1908, январь.

²⁹ «*Papyri russischer und georgischer Sammlungen herausgegeben von Gregor Zereteli*», Bd I, Literarische Texte bearbeitet von G. Zereteli und O. Krüger, Tiflis, 1925, N 4.— Многочисленные фрагменты 17-й песни Иллады; № 18 — Vita Aesopi (текст, обративший на себя всеобщее внимание); № 19 — 60 строк фармакологической энциклопедии; № 20 — фрагмент учебника по лечению глаз; № 21 — довольно значительный обрывок медицинского трактата. Последние три текста стали предметом специальных исследований А. Г. Бекштрёма.

³⁰ «*Papyri russischer und georgischer Sammlungen herausgegeben von Gregor Zereteli*», Bd II, Ptolemäische und frühromische Texte bearbeitet von Otto Krü-

пехлевийские и арабские документы³¹, коптские литературные³² и деловые тексты³³.

В основу Голенищевской коллекции легло богатейшее собрание памятников древнеегипетской культуры, многие из которых имеют громадную познавательную ценность. Хотя научный интерес Владимира Семеновича тяготел преимущественно к памятникам письменности, тем не менее он, не жалея средств и труда, обогащал свою египтологическую коллекцию собиранием первоклассных вещественных памятников, из которых многие свидетельствовали о творческой силе изобразительного искусства народа долины Нила. О значимости предметов египетского собрания В. С. Голенищева для изучения материальной культуры и искусства различных эпох истории древнего Египта свидетельствуют исследования Б. А. Тураева³⁴, В. К. Мальмберга³⁵, М. И. Ростовцева³⁶, Б. В. Фармаковского³⁷, М. Э. Ма-

ger, Tiflis, 1929; № 9 (S. 24); № 10 (S. 26); № 12 (S. 42); № 21 (S. 132); № 26 (S. 144); № 27 (S. 149); № 28 (S. 151); № 30 (S. 157); № 38 (S. 181); № 41 (S. 188).

³¹ Надлежит обратить внимание на три папируса-документа на персидском языке (пехлеви) из времени нашествия персов в 619 г. (№ 4627, 4629, 4630), см. «Музей изящных искусств им. имп. Александра III в Москве. Краткий иллюстрированный путеводитель», ч. I, М., 1912, стр. 47 (далее — «Путеводитель...»).

³² В Ахмиме В. С. Голенищев приобрел пергаментные листы с коптскими текстами, содержащими, между прочим, отрывки из Евангелия Марка и из посланий апостола Павла (В. С. Голенищев, *Археологические результаты...*, стр. 15). Прекрасный образец коптского текста на пергаменте издал О. Э. Лемм. См. О. Э. Лемм, *Отрывок из послания апостола Иакова на коптском языке. Из собрания В. С. Голенищева, № 4786*, — «Памятники...», вып. 1—2, М., 1912, стр. 59.

³³ Документы и письма на коптском языке бывшего Голенищевского собрания готовятся к изданию П. В. Ернштедом.

³⁴ Б. А. Тураев, «Доисторическое» блюдо Голенищевского собрания, № 2947, — «Памятники...», вып. 1—2, стр. 19—20; *Дверцы Наоса с молитвами богине Тауэрт, № 3914 Голенищевского собрания*, — там же, вып. 3, М., 1913, стр. 73—80.

³⁵ В. К. Мальмберг, *Мужская статуэтка эпохи Среднего царства. Из собрания В. С. Голенищева, № 3571*, — «Памятники...», вып. 1—2, стр. 37—41; *Купальщица и купальщик. Из собрания В. Г. Голенищева, № 1032 и № 3250*, — там же, стр. 41—45; *Женская статуэтка поздней эпохи. Из собрания В. С. Голенищева, № 1057*, — там же, вып. 3, стр. 81—85.

³⁶ М. И. Ростовцев, *Александрийская эллинистическая ваза. Из собрания В. С. Голенищева, № 4346*, — «Памятники...», вып. 1—2, стр. 61—67; *Расписная стена из Александрии. Из собрания В. С. Голенищева, № 3363*, — там же, стр. 69—72.

³⁷ Б. В. Фармаковский. *Портрет из Фаюма. Из собрания В. С. Голенищева, № 4290*, — «Памятники...», вып. 1—2, стр. 49—58.

ть³⁸, В. В. Павлова³⁹ и других. Вместе с тем можно без колебаний признать, что наиболее ценной частью сокровищницы Голенищевского собрания являются памятники письменности древнего Египта, которые могли бы служить украшением даже сказочно богатого Каирского музея.

Это объясняется страстным увлечением Владимира Семеновича многоликим письмом древнего Египта: четкими образами иероглифов, вырезанными на камне, смутными отображениями их иератическими знаками на папирусе и, наконец, лишенным какой-либо образности причудливым демотическим курсивом.

Особого внимания среди образцов египетской письменности в собрании В. С. Голенищева заслуживает папирус, сохранивший на 20 столбцах тщательного иератического письма конца Среднего царства 10 гимнов, которые пелись в храме бога Собка в Крокодилополисе, главном городе Фаюмского оазиса, при возложении на чело бога его царских диадем.

Текст замечателен своей древностью, так как составление его относится ко времени, предшествующему классическому периоду Среднего царства. Для исследователя он представляет интерес и с точки зрения языка и как литературный памятник⁴⁰.

Пожалуй, самым ценным из памятников египетской письменности, хранящимся вместе с другими предметами Голенищевской коллекции в Московском музее изобразительных искусств, является папирус, повествующий о злоключениях в стране филистимлян, в Финикии и в стране Араса современника последнего Рамессиды, служащего храма Амона Карнакского Уну-Амона, посланного за строевым лесом Ливана для священной ладьи Амона. Папирус, проливающий свет на период XI в. до н. э.

³⁸ М. Э. Матье, *Искусство Среднего царства*, — «История искусства Древнего Востока», т. I, вып. 2, Л., 1941; *Искусство Нового царства XVI—XV вв. до н. э.*, — «История искусства Дальнего Востока», т. I, вып. 3, Л., 1947.

³⁹ В. В. Павлов, *Очерки по искусству древнего Египта*, М., 1936; *Египетская скульптура в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина*, М., 1949.

⁴⁰ В. С. Голенищев, побуждаемый подлинной любовью к науке, передал папирус для издания А. Эрману, который заинтересовался его содержанием. Владимир Семенович, всегда признававший авторитет этого выдающегося немецкого ученого, знал, что он доверяет издание папируса надежным рукам: сам он был поглощен тогда (в первом десятилетии XX в.) работой над исследованием, посвященным сказке о потерпевших кораблекрушение. А. Эрман опубликовал исследование о папирусе, переданном ему Голенищевым, в специальной работе. См. Б. А. Тураев, *Египетская литература*, т. I, М., 1920, стр. 41 и сл.

в истории Ближнего Востока, обратил на себя общее внимание после издания и перевода его В. С. Голенищевым⁴¹. Он давал конкретное представление об ослаблении былой мощи египетской державы и о полной самостоятельности царьков филистимлянских и финикийских городов-государств.

Подробности повествования Уну-Амона о его приключениях на «великом Сирийском море» и в городах побережья были использованы и продолжают использоваться в работах, связанных с историей и культурой древних обществ Ближнего Востока.

Советским египтологам надлежит подготовить издание отчета Уну-Амона о его путешествии в Финикию, сопроводив текст всесторонним историческим и филологическим комментарием.

Наряду с памятниками литературы древнего Египта внимание Владимира Семеновича привлекали также и папирусы, в которых писцы долины Нила увековечили научные знания своего времени. Ему посчастливилось приобрести папирусный свиток, сохранивший почти полностью образец созданной в эпоху Нового царства своеобразной энциклопедии в виде словника. Этот документ должен был помочь понять даже специалисту все, что «создал Птах и написал Тот». До этого было известно лишь начало этой энциклопедии-словника, засвидетельствованное в так называемом папирусе Hood Британского музея, который был издан Г. Масперо в 1888 г.⁴²

Другим текстом научного содержания в Голенищевской кол-

⁴¹ В. С. Голенищев познакомил научный мир с папирусом Уну-Амона в 1897 г. в специальном исследовании. См. В. С. Голенищев, *Иератический папирус из коллекции В. Голенищева, содержащий отчет о путешествии египтянина Уну-Амона в Финикию*. — «Сборник в честь В. Р. Розена», СПб., 1897, стр. 45—52, табл. 1—2. — Здесь автор, кроме кратких сведений о приобретении папируса и суммарной характеристики его содержания, представил по возможности точный перевод рукописи. К исследованию были приложены фототипия 21 строки 1-го столбца папируса и иероглифическая транскрипция этого иератического текста. Через два года — в 1899 г. — он издал новое исследование, посвященное папирусу. См. W. S. Golénisheff, *Papyrus hiératique de la collection W. Golénisheff, contenant la description du voyage de l'égyptien Ounou-Amon en Phénicie*. — RT, t. 21, 1899, p. 74—102.

⁴² В. С. Голенищев использовал данные энциклопедии-словника своего собрания. См. W. S. Golénisheff, *Offener Brief an Herrn Professor G. Steindorff*, — ZAS, Bd 40, 1902—1903, S. 101—106. В 1904 г. Владимир Семенович передал папирус для издания своему другу А. Гардинеру, который в то время изучал экземпляр энциклопедии-словника, восходящего к Среднему царству. Голенищевский папирус является одним из основных источников, на материале которых этот английский ученый создал свой грандиозный труд. См. A. H. Gardiner, *Ancient Egyptian Onomastica*, vol. I—II, Oxford, 1947.

лекции был довольно длинный, но очень узкий папирус, содержащий ряд математических задач, приобретенный Владимиром Семеновичем зимой 1888/89 г. в Луксоре⁴³. Хотя он значительно меньших размеров, нежели папирус Rhind Британского музея, но по своему значению для истории математики обе рукописи, пожалуй, равноценны⁴⁴. Среди математических задач московского папируса имеется сложная задача на измерение объема усеченной пирамиды⁴⁵, а может быть, даже и задача на измерение поверхности полушария⁴⁶.

К научной письменности древнего Египта можно причислить поучения мудрецов; в Голенищевской коллекции имеется одно весьма любопытное произведение подобного рода, которое еще ждет своего издания. К поучениям примыкают собрания «изречений» древних мудрецов, и заголовки двух таких собраний сохранились в Московском музее изобразительных искусств⁴⁷.

Не забывал Владимир Семенович и богатую религиозную и заупокойную литературу, созданную в Египте. Зимой 1888/89 г. он приобрел в Луксоре фрагменты папируса, на котором был написан иероглифическим шрифтом довольно древнего характера религиозный текст, не похожий на тексты, вошедшие в состав «Книги мертвых»⁴⁸. В Голенищевской коллекции представлены и поздние заупокойные папирусы иероглифического письма⁴⁹, изучавшиеся Б. А. Тураевым. С заупокойным культом, возможно, связан и изданный Б. А. Тураевым иератический текст первой половины Нового царства, начертанный на глиняном блюде⁵⁰. Содержанием текста является пись-

⁴³ См. В. С. Голенищев, *Археологические результаты...*, стр. 18.

⁴⁴ А. де Бук указывает из математических папирусов на папирус Rhind и на наш московский папирус, о котором он замечает следующее: «Ce dernier surtout témoigne du niveau élevé auquel avaient atteint les Égyptiens de sorte qu'on peut certainement ajouter foi aux Grecs quand'ils affirment, que dans ce domaine ils ont beaucoup emprunté aux Égyptiens», — A. de Buck, *Grammaire élémentaire du Moyen Égyptien*, Leiden, 1952, p. 142. Этой справкой я обязан неизменной любезности И. Г. Лившица, за что и пишу ему мою глубокую благодарность.

⁴⁵ Задача № 14 папируса.

⁴⁶ Так я интерпретирую задачу № 10 в моем издании Московского математического папируса. См. W. W. Struve, *Mathematischer Papyrus des staatlichen Museums der schönen Künste in Moskau*, Berlin, 1930, S. 157. Несмотря на многочисленные возражения против моей интерпретации, я продолжаю ее считать правильной.

⁴⁷ Б. А. Тураев, *Два новых литературных имени эпохи Среднего царства*, — Изв. АН, серия VI, Пг., 1916, январь, стр. 17.

⁴⁸ В. С. Голенищев, *Археологические результаты...*, стр. 15.

⁴⁹ «Памятники...», вып. 1—2, стр. 23—30.

⁵⁰ Там же, стр. 21.

мо, относящееся, может быть, к числу тех столь характерных для мировоззрения древних египтян писем, которые были адресованы не живому лицу, а лицу, пребывавшему уже в царстве мертвых⁵¹.

Владимир Семенович собирал не только записанные на папирусах заупокойные тексты, но также и надписи на камне, дереве и фаянсе. В его коллекции хранятся обломок текстов пирамид, камни с надписями и рельефами из гробниц вельмож Древнего царства⁵², так называемые ушебти с различными вариантами текстов, начертанными на них⁵³, а также многочисленные каменные стелы, посвященные заупокойному культу не только людей, но и животных⁵⁴.

Среди саркофагов Голенищевской коллекции надлежит отметить приобретенные в Ахмиме раскрашенные деревянные доски от четырехугольных саркофагов начала Среднего царства со своеобразными иероглифами их надписей⁵⁵. Среди эпиграфических памятников иного рода имеются в собрании Владимира Семеновича такие любопытные для историка предметы, как священный лук из черного суданского дерева, который принадлежал, согласно начертанной на нем надписи, царевичу Амени и его потомству при служении богу Мину⁵⁶, и бронзовый наконечник копья с надписью, свидетельствующей о том, что это трофей царя Яхмоса I, добытый им «во время его побед на Востоке»⁵⁷.

Я, конечно, не имею возможности перечислить все многочисленные памятники письменности, собранные в коллекции В. С. Голенищева, но мне хотелось бы отметить из нелитературных папирусов еще три прекрасно сохранившихся демотических документа, датируемых Птолемеевой эпохой. Они входили когда-то в большой архив широко разветвленной жреческой семьи, владевшей в Фивах домами и другим имуществом.

⁵¹ А. Н. Gardiner, K. Sethe, *Egyptian letters to the Dead mainly from Old and Middle Kingdoms*, London, 1928, p. 27—28. — Поскольку оба названных ученых не были уверены в принадлежности Голенищевского текста к письмам, адресованным мертвому, они включили его лишь в «appendix» к своей монографии.

⁵² См. «Путеводитель...», ч. I, стр. 12—13.

⁵³ Б. А. Тураев, *К форме статуэток «ушебти»*, — Изв. АН, серия VI, Пг., 1916, январь, стр. 19 и сл.

⁵⁴ См., например, Б. А. Тураев, *Надпись римского времени о священном быке*, № 5863 Голенищевского собрания, — «Памятники...», вып. 4, стр. 119—123.

⁵⁵ В. С. Голенищев, *Археологические результаты...*, стр. 14—15.

⁵⁶ Там же, стр. 17—18.

⁵⁷ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, стр. 259.

Содержание папирусов содействует изучению других документов этого архива, разбросанных по разным музеям Европы и Америки⁵⁸. Следует отметить, что коллекционерский труд Владимира Семеновича характерен стремлением к поискам таких памятников, которые могли бы содействовать успешному изучению текстов других музеев и собраний. Так, он не пожалел средств на приобретение фрагментов папируса, содержавшего известный рассказ египтянина Синухета, хотя эти обрывки первых четырех столбцов иератической рукописи имели ценность не столько для его собрания, сколько для Берлинского музея, в котором хранились основные рукописи, содержащие повествование Синухета⁵⁹.

Особенно Владимир Семенович стремился обогатить свою коллекцию списками тех литературных памятников Египта, которые были им устанвлены во время его работ в Эрмитаже. Выше мы видели, что он, будучи почти мальчиком, стал изучать предметы египетского собрания названного музея, а двадцатилетним юношей открыл здесь в 1876 г. иератическую рукопись, названную им «папирус № 1 Санкт-Петербурга». Рукопись была воспринята В. С. Голенищевым как единый папирусный свиток, содержавший два литературных произведения, из которых первое было каким-то поучением, а второе — историческим рассказом времени царя Снофру. Впоследствии Владимир Семенович установил, что рукопись состояла из двух самостоятельных папирусов, которые, согласно проведенной им нумерации египетских предметов Эрмитажного собрания, получили наименования: папирус 1116 А и папирус 1116 В. Путем дальнейшего изучения папируса 1116 А он определил текст его на лицевой стороне как поучение одного из царей X Гераклеопольской династии своему сыну Мерикарэ, датируемое примерно серединой XXI в. до н. э. Царское поучение времени X династии ценно благодаря обилию содержащихся в нем дан-

⁵⁸ В. В. Струве, *Три демотических папируса Московского музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, связанные с документами фиванской жреческой семьи от конца IV в. по начало III в. до н. э.*, — «Доклады советской делегации на XXIII международном конгрессе востоковедов», М., 1954; *Значение некоторых из демотических папирусов Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина для истории и культуры Птолемеевского Египта*, — «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме», М., 1955.

⁵⁹ Б. А. Тураев, *Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных автобиографий*, — «Культурно-исторические памятники Древнего Востока», вып. 3, М., 1915, стр. 7. — Здесь на цветной таблице к стр. 1 дана репродукция первого фрагмента папируса № 4657 ГМИИ, содержащего начало рассказа Синухета.

ных для истории египетского общества, его структуры, религиозного мировоззрения, быта и т. д., но, к сожалению, папирус 1116 А Эрмитажа плохо сохранился и, кроме того, является не вполне безупречной копией древнего текста, относящейся к первой половине XV в. до н. э. Поэтому Владимир Семенович, изучавший этот текст, неутомимо искал во время своих многократных путешествий по Египту другую копию поучения царевичу Мерикарэ, и наконец ему удалось приобрести в Луксоре фрагменты второго списка текста папируса 1116 А. Сопоставляя имевшиеся в его распоряжении копии поучения гераклеопольского царя, Владимир Семенович мог приступить к первому опыту критического издания этого замечательного памятника литературы древнего Египта⁶⁰.

Этим изданием русский египтолог подарил науке одно из самых содержательных произведений древнеегипетской письменности. Можно смело заявить, что из всех известных нам египтологов В. С. Голенищев сделал наибольший вклад в историю культуры древнего Египта, открыв новые, до того неизвестные памятники литературы и письменности. Он их находил и во время работы над предметами египетского собрания Эрмитажа, и во время своих многолетних странствований по городам, деревням и пустыням Египта. О многих блестящих открытиях Владимира Семеновича я уже говорил, но предстоит упомянуть еще о ряде других, не менее важных открытий, встреченных с благодарностью всеми изучающими творения сказителей и писцов древнего Египта.

Одно из подобных открытий Владимир Семенович сделал, когда он установил в «папирусе № 1 Санкт-Петербурга» наряду с дидактическим произведением исторический рассказ, относившийся к эпохе царя Снофру. Тщательно исследуя текст папируса № 1116 В, В. С. Голенищев уточнил его содержание и определил его как первый образец до того неизвестной нам пророческой литературы Египта: мудрец при дворе царя IV династии предсказывает Египту грядущие беды, завершающиеся пришествием мессии — царя-спасителя. В 1913 г. Владимир Семенович опубликовал критическое издание литературного памятника, увековеченного папирусом № 1116 В, используя для этого все ставшие к тому времени известными списки этого текста⁶¹.

⁶⁰ W. S. Golénisheff, *Les papyrus hiératiques Nos. 1115, 1116 A et 1116 B de l'Ermitage Impérial à St. Pétersbourg*, SPb., 1913 (далее — W. S. Golénisheff, *Les papyrus hiératiques*).

⁶¹ W. S. Golénisheff, *Les papyrus hiératiques*, p. 6—8. — Здесь дается также пересказ содержания папируса, а на таблицах XXIII—XXV —

Продолжая работать в Эрмитаже, В. С. Голенищев в 1881 г. открыл на прекрасно сохранившемся папирусе Среднего царства одну из самых увлекательных сказок, созданных в глубокой древности творчеством народа долины Нила. Владимир Семенович в короткий срок интерпретировал содержание папируса и в том же году выступил на Международном конгрессе востоковедов в Берлине с докладом, посвященным переводу и историко-литературному анализу открытой им сказки, в которой ее герой в первом лице повествовал о своих необычайных приключениях на острове южного моря, где он нашел убежище, потерпев кораблекрушение⁶². Эта сказка, убедительно развивавшая невероятную фабулу, была встречена с большим интересом⁶³, и папирус, получивший впоследствии № 1115 Эрмитажа, стал предметом исследования самого В. С. Голенищева, а также других египтологов⁶⁴.

Будучи египтологом, В. С. Голенищев не мог не интересоваться религиозными и заупокойными текстами, которыми столь изобилует письменность древнего Египта. Так, второй по времени работой восемнадцатилетнего египтолога было издание более ранней редакции 108-й главы «Книги Мертвых», которая была записана иератическим шрифтом на стенах деревянного саркофага Среднего царства из Эрмитажного собрания. Он снабжает издание текста иероглифической транскрипцией и содержательным комментарием⁶⁵. Владимир Семенович Голенищев по существу стал одним из основоположников изучения текстов саркофагов. Еще в годы своей молодости он обратил внимание специалистов на экземпляр «Книги Мертвых», снимок с которого был прислан из Афин Русскому археологическому обществу⁶⁶, а впоследствии он издал 18 папирусов ре-

фототипии столбцов папируса с приложенной к ним иероглифической транскрипцией. На дополнительных таблицах С (нижняя часть) даны списки пророческого текста, хранящиеся в других музеях и собраниях, причем текст списка Каирского музея (№ 25224) сопоставлен с соответствующими строками папируса № 1116 В. О значении этого интереснейшего текста, подаренного науке В. С. Голенищевым, см. В. В. Струве, *Папирус № 1116В recto и пророческая литература древнего Египта*, — ЗКВ, I, Л., 1925, стр. 209—227.

⁶² W. S. Golénisheff, *Sur un ancien conte égyptien. Notice lue au Congrès des Orientalistes à Berlin par W. Golénisheff*, Berlin, 1881, p. 3—21.

⁶³ В. С. Голенищев посвятил сказке о потерпевшем кораблекрушение статье в февральском выпуске «Вестника Европы» за 1882 г.

⁶⁴ Я перечислю их, когда буду говорить об исследовательской деятельности В. С. Голенищева.

⁶⁵ ZAS, Bd 12, 1874, S. 83.

⁶⁶ В. С. Голенищев. *Об экземпляре «Книги Мертвых» Гор-а сына Нес-та-иер-ан-а и Та-иан-ы*, — ИРАО, т. IX, вып. 5, 1880, стр. 527—531.

лигиозного содержания из собрания Каирского музея⁶⁷, причем некоторые из них являлись уникальными⁶⁸.

Хотя счетные документы и не входят в категорию литературы, но Владимир Семенович издал два подобных документа Эрмитажного музея, поскольку они были записаны на одной стороне папирусов № 1116 А и № 1116 В, на оборотной стороне которых были начертаны царское поучение Гераклеопольской династии и пророчества, вложенные в уста мудреца времени царя Снофру⁶⁹.

Эти документы сообщали историку ряд весьма существенных данных: о многолетнем соправительстве Тутмоса III и сына его Аменхотепа II, о длительном пребывании в столице египетской державы послов городов-государств Сирии и о той большой роли, которую играл «дом почитательницы Амона» уже при Тутмосе III, а не только во время ливийского периода истории Египта⁷⁰.

К вопросам же истории Египта Владимир Семенович всегда стносился с большим вниманием и стремился расширить наши знания письменности Египта не только в области литературы и науки неизвестными ранее папирусами, но приложил также немало труда, чтобы увеличить число тех эпиграфических памятников, которые могли бы оказать помощь историку. С этой целью зимой 1884/85 г. он совершил экспедицию из города Куфта (древнего Копта) в аравийскую пустыню, чтобы посетить долину Уади Хаммамат с ее эпиграфическими сокровищами. Здесь он проверил правильность чтения уже изданных Лепсиусом эпиграфических памятников и открыл новые, не отмеченные его предшественником⁷¹. Лишь благодаря интерпретации Владимиром Семеновичем нескольких крупных надписей Уади Хаммамата стало возможным окончательное использование этих важных источников⁷². Результаты обследования эпиграфических памятников Уади Хаммамата легли в основу опубликованного в 1912 г. исчерпывающего издания иероглифиче-

⁶⁷ W. S. Golénisheff, *Les papyrus hiératiques*, Fasc. I, Le Caire, 1921,—CGC, N 58001—58036.

⁶⁸ *Ibid.*, N 58024—58026.

⁶⁹ Счетный документ на папирусе № 1116 А, — W. S. Golénisheff, *Les papyrus hiératiques*, pl. XV—XXII. Счетный документ на папирусе № 1116 В (*Ibid.*, pl. XXVI—XXVIII). Характеристика содержания первого и второго дана во введении — *Ibid.*, p. 4—8.

⁷⁰ W. S. Golénisheff, *Les papyrus hiératiques*, p. 3, 5, 8.

⁷¹ В. С. Голенищев, *Эпиграфические результаты поездки в Уади Хаммамат*. — ЗВОРАО, т. II, СПб., 1887, стр. 65—79 с приложением 18 табл. На табл. II—III и V помещены надписи, не попавшие в издание Лепсиуса.

⁷² Там же, стр. 73 и сл.

ских и иератических надписей названной местности в аравийской пустыне⁷³.

В 1889 г. В. С. Голенищев откопал на холме к юго-востоку от Тель-эль-Масхута огромный гранитный обломок, содержащий на одной сглаженной стороне часть иероглифического текста большой надписи царя Дария I. Позже были найдены еще пять других фрагментов иероглифического текста большой надписи Дария I. Дополнительно были найдены еще пять других фрагментов с иероглифическими надписями, и все эти обломки составляли часть колоссальных размеров гранитной плиты вышиной около трех метров, шириной около двух метров и толщиной приблизительно $\frac{3}{4}$ метра⁷⁴. Эта гигантская стела, воздвигнутая Дарием I, является памятником, параллельным другой стеле Дария I, таких же грандиозных размеров, найденной в 1866 г. недалеко от Шалуфа. Разница между ними в том, что стела из Шалуфа была покрыта письменами с обеих сторон: на лицевой стороне клинописными надписями, а на оборотной стороне сильно фрагментированной иероглифической надписью. Уже в 1869 г. была издана древнеперсидская глинописная надпись, сообщавшая о работах, предпринятых по приказу Дария для расчищения канала между Нилом и Красным морем⁷⁵. Стела из Тель-эль-Масхута, лишенная клинописных надписей⁷⁶, дает зато более значительный иероглифический текст, нежели текст на оборотной стороне стелы из Шалуфа⁷⁷. Ряд моментов в надписи стелы Дария, раскопанной

⁷³ J. Couyat, P. Montet, *Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammamât*,—MIFAO, t. XXXIV, Le Gaire, 1912 (далее—J. Couyat, P. Montet, *Les inscriptions...*).

⁷⁴ В. С. Голенищев, *Археологические результаты...*, стр. 25 и сл. W. S. Golénisheff, *Sîle de Darius aux environs de Tell el-Maskhoutah*,—RT, t. 13, 1890, p. 99—109, pl. 8. — Здесь Владимир Семенович дал текст стелы, перевод и комментарий. По словам В. С. Голенищева, место раскопок ему указал французский инженер Jaillon, служивший у Лессепса во время сооружения Суэцкого канала.

⁷⁵ F. H. Weisbach, *Die Keilinschriften der Achämeniden*, Leipzig, 1911, S. 21—22, 102.

⁷⁶ Во время раскопок стелы из Тель-эль-Масхута был найден небольшой обломок с несколькими персидскими клинописными знаками, но он принадлежал, очевидно, другой стеле, на которой Дарий велел увековечить клинописные надписи, — RT, т. 13, 1890, p. 101.

⁷⁷ Правда, в 1911—1912 гг. были произведены новые раскопки на месте находки стелы из Шалуфа, которые дали около 30 обломков иероглифических надписей. Используя их в своей монографии, Г. Позенер продолжил большую работу по восстановлению иероглифической надписи стелы. Но сам автор на основании некоторых данных допускает возможность, что не все из найденных в 1911—1912 гг. обломков с иероглифическими знаками относятся к памятнику, раскопанному в 1866 г., и он поэтому признает, что предложенное им восстановление иероглифической надписи яв-

Владимиром Семеновичем, вызывает интерес историка: двукратное упоминание Кира без предшествующего имени царского титула и неоднократное упоминание имени чужеземной страны *š;bt*, которую В. С. Голенищев отождествлял со страной Савеев в Аравии⁷⁸. Основное же значение открытой Владимиром Семеновичем стелы из Телль-эль-Масхута состоит в том, что она дала возможность восстановить иероглифические надписи стел Дария I⁷⁹, воздвигнутых им вдоль берегов прорытого по его повелению канала, который соединял Нил с морем Персии⁸⁰. Следующим большим успехом Владимира Семеновича в области эпиграфики древнего Египта было открытие им надписи на скале над гротом Стабль Антара (*Speos Artemidos*)⁸¹. Выдающийся немецкий египтолог Г. Бругш дал высокую оценку полному изданию этой надписи В. С. Голенищевым, свидетельствующей о тех разрушениях, которые произвели гиксосы во время своего вторжения в Египет⁸². Надпись, составленная по повелению знаменитой царицы Хатшепсут, указывала на то, что царица восстанавливала много разрушенных храмов, «ибо в северной стране сидели азиаты в Аварисе и иноземцы среди них, разрушая все. Они царствовали, не ведая бога Ра».

Б. А. Тураев находит в данном свидетельстве надписи подтверждение слов Манефона «о насильственном характере правления гиксосов, по крайней мере при завоевании и в первое время»⁸³. Таким образом, мы видим, какое значение имела для науки открытая В. С. Голенищевым надпись в Стабль Антаре.

Наряду с большими эпиграфическими памятниками Владимир Семенович активизировал много надписей на заупокойных стелах, которые в совокупности являются первоклассным историческим источником. Большое количество подобных памятников собрал Владимир Семенович в своей коллекции⁸⁴, а основ-

ляется «рискованным». См. G. Posener, *La première domination Perse en Egypte*, Le Caire, 1936, p. 63, 65.

⁷⁸ W. S. Golénisheff, *Stèle de Darius aux environs de Tell el-Maskhoutah*, p. 99—109; ср. G. Posener, *La première domination...*, p. 61—62.

⁷⁹ Фрагменты третьей стелы подобных же размеров были найдены в шести километрах от Суэца в 1911—1912 гг. На обеих ее сторонах были начертаны надписи (G. Posener, *La première domination...*, p. 81—82).

⁸⁰ См. образцовые в методическом отношении восстановления трех надписей Дария V (G. Posener, *La première domination...*, p. 48).

⁸¹ W. S. Golénisheff, *Notice sur un texte hiéroglyphique. Le stabel Antar (Speos Artemidos)*, — Rt, t. 3, 1882, p. 1—3.

⁸² H. Brugsch, *Die Aegyptologie*, Leipzig, 1897, S. 34.

⁸³ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 257.

⁸⁴ Многие из них являются заслуживающими внимания эпиграфическими памятниками, например стела № 4071 ГМИИ.

ные моменты содержания надписей десятков заупокойных стел Эрмигажа он сделал общедоступными в своем каталоге предметов египетского собрания этого музея⁸⁵.

Подводя итог всему сказанному выше об открытиях В. С. Голенищева в области письменности древнего Египта, и вправе утверждать, что до него ни один из египтологов в такой степени не обогатил науку новыми источниками, ценными не только в количественном, но и в качественном отношении. Без самоотверженного труда В. С. Голенищева изложение истории и культуры народа долины Нила было бы лишено многих, весьма существенных и ярких моментов.

Конечно, подобных успехов Владимир Семенович достиг не только благодаря открытию новых памятников письменности, но и благодаря своей интенсивной научно-исследовательской работе, которая выдвинула его в первый ряд adeптов этой востоковедной дисциплины.

Уже в своих юношеских исследованиях он сумел подняться до уровня, которого достигла к тому времени мировая наука о языке, истории и культуре древнего Египта⁸⁶. В. С. Голенищев очень пристально следил за старой и новой литературой⁸⁷. Мне известен лишь один случай, когда им не была учтена специальная работа, написанная примерно лет за 30 до момента опубликования его собственного исследования. Я имею в виду случай, связанный с его докладом о происхождении древнеегипетской системы алфавита на VI Международном конгрессе востоковедов в Лейдене в 1884 г., встретивший там всеобщее одобрение и напечатанный в том же году в трудах конгресса⁸⁸.

В своем докладе В. С. Голенищев выступил против акрофонического происхождения древнеегипетских алфавитных знаков, предложенного в свое время еще Шампольоном. Немедленно после опубликования доклада Владимир Семенович установил, что им не была учтена опубликованная в 1857 г. работа извест-

⁸⁵ W. S. Colénisheff, *Ermitage Impérial. Inventaire de la collection égyptienne*, SPb., 1891, p. 151—172.

⁸⁶ Об этом свидетельствуют ссылки в его указанных выше работах, опубликованных в ZAS в 1874, 1875 и 1876 гг.

⁸⁷ Так, например, в 1906 г. в ZAS появилась заметка A. Ungnad'a, имеющая отношение к сказу о потерпевшем кораблекрушение, на которую В. С. Голенищев откликается в этом же журнале в 1908 г. См. исчерпывающую библиографию, приложенную В. С. Голенищевым к тем из папирусов Каирского музея, которые до него изучались другими учеными. (W. S. Colénisheff, *Papyrus hiératiques N 58001—58036*).

⁸⁸ «Les travaux de la VIe session du Congrès International des Orientalistes à Leyden», t. II, Leiden, 1884, p. 1—8.

ного английского египтолога С. Бирча, сделавшего в ней выводы, близкие тем, к которым пришел автор доклада 1884 г. Хотя исследование С. Бирча было в последующие десятилетия настолько забыто, что ни один из присутствовавших на докладе В. С. Голенищева египтологов не вспомнил о нем, тем не менее молодой русский востоковед квалифицировал это как «une grave omission»⁸⁹. В дополнительной заметке к статье, излагавшей его доклад на конгрессе, Владимир Семенович восстановил полностью в памяти египтологов пионерское исследование С. Бирча 1857 г., столь незаслуженно забытое в последующие годы.

В. С. Голенищев непрерывным упорным трудом расширял и углублял свои знания египетского письма, первое знакомство с которым состоялось еще в его юношеские годы. Уже в 1882 г. он мог выступить с многочисленными исправлениями копии, сделанной знаменитым А. Мариэттом в его описании Карнака с того списка чужеземных стран, который был увековечен на стенах названного храма. Молодой русский египтолог прислал свои исправления маститому немецкому ученому Г. Бругшу для задуманного последним труда по смежным с долиной Нила странам на основании египетских материалов⁹⁰. Доверие к точности копий, снятых Владимиром Семеновичем с надписей Уади Хаммамата, обусловило использование их крупными египтологами⁹¹. По мнению Б. А. Тураева, Владимир Семенович снял лучшую копию с надписи вельможи Хену эпохи XI династии — одного из интереснейших эпиграфических памятников Уади Хаммамата⁹².

Единственный существенный недочет в работе над этим памятником был им допущен при снятии копии с надписи савновника Антефа, современника Аменемхета I⁹³. Но при передаче он не искажил точности очень трудной в палеографическом отношении иероглифической надписи, начертанной на сильно

⁸⁹ Такие факты известны в истории науки. Так, Шампольон в своей грамматике установил значение вертикальной черты после отдельно стоящего иероглифа, но это было забыто. Этот вывод был вновь сделан К. Зете уже в 1909 г.

⁹⁰ W. S. Golénisheff, *Offener Brief an Herrn Professor H. Brugsch*, — ZAS, Bd 20, 1882, S. 145—148, Taf. V—VI.

⁹¹ Я уже говорил об использовании работы В. С. Голенищева И. Куйя и П. Монтэ в их труде, посвященном надписи Уади Хаммамата (см. сноску 73). Здесь я лишь укажу, что они исправляют текст Лепсиуса по тексту В. С. Голенищева; К. Sethe также использовал копии В. С. Голенищева. См. *Urk*, I, N 34—36.

⁹² Б. А. Тураев. *История Древнего Востока*, т. I, стр. 215.

⁹³ J. Couyat, P. Montet, *Les inscriptions...*, p. 7.

выветрившейся в настоящее время скале⁹⁴. Ошибка, допущенная Владимиром Семеновичем, сводилась к неправильному причислению последних двух строк (т. е. девятой и десятой) этой надписи к другой надписи, начертанной на той же скале, в нижней ее части, над надписью Антефа⁹⁵. Это недоразумение, очевидно, объясняется тем, что девятая строка надписи Антефа была отделена от предшествующих строк чертой, что давало основание предположить здесь начало нового самостоятельного текста⁹⁶. Ошибки подобного рода вполне извинительны для египтолога, изучавшего наскальные надписи в тяжелых условиях прошлого века, в узкой долине среди Брекчиевых гор в аравийской пустыне⁹⁷. Недаром со времени путешествия Лепсиуса в Египет (т. е. с 1845 г.) вплоть до поездки В. С. Голенищева в 1884 г. ни один египтолог не посещал Уади Хаммамат⁹⁸. О точности чтений Владимиром Семеновичем иероглифических знаков надписи Дария I, начертанной на плите у Телль-эль-Масхута, свидетельствует его исследование 1889 г.⁹⁹, подвергнувшееся тщательной проверке, проведенной Г. Позенером 46 лет спустя при новом издании названной надписи Дария I¹⁰⁰. Не менее точно Владимир Семенович подходил и к чтению иероглифической транскрипции тех больших иератических папирусов его собрания, а также Эрмитажного и Каирского музеев, о которых я говорил выше. Его иероглифическая транскрипция подтверждалась во всех основных моментах при дальнейшем изучении изданных им папирусов такими автори-

⁹⁴ J. Couyat, P. Montet заявляют, что надпись Антефа «est la plus difficile à déchiffrer de toutes les inscriptions du Hammamât», — *Les inscriptions...*, p. 101, № 199.

⁹⁵ Первые 8 строк надписи Антефа В. С. Голенищев издал в своей работе «Эпиграфические результаты поездки в Уади Хаммамат», на табл. VIII, а 9-ю и 10-ю строки ее, присоединенные к надписи некоего сановника Иди, он издал на табл. II под № 4 (ЗВОРАО, т. II, вып. 1—2, 1887). Надпись сановника Иди J. Couyat, P. Montet издали под № 147 (*Les inscriptions...*, № 147).

⁹⁶ J. Couyat, P. Montet, *Les inscriptions...*, pl. XXXVIII.

⁹⁷ Например, не совсем правильным является чтение надписи на гробнице близ Гизе вельможи Сешемнефера, изданное Юнкером, высококвалифицированным чтецом египетских текстов, в 1929 и в 1933 гг. и воспроизведенное К. Sethe (*Urk I*, 178). Работа эпиграфиста над памятниками около Гизе протекала в 1929 г. в более благоприятных условиях, нежели изучение надписей Уади Хаммамата зимой 1884/85 г.

⁹⁸ Во всяком случае за эти 40 лет не появилось ни одной работы, которая проверила бы чтения изданных Лепсиусом надписей Уади Хаммамата и поставила бы вопрос о нахождении здесь других, еще не изданных эпиграфических памятников.

⁹⁹ RT, t. 13, 1890, p. 99—100.

¹⁰⁰ G. Posener, *La première domination...*, p. 50.

тетными египтологами, как А. Эрман¹⁰¹, А. Гардинер¹⁰² и Б. Гунн¹⁰³.

Для В. С. Голенищева, египтолога большого диапазона, была понятна и близка культура Египта с самого древнейшего времени, о чем свидетельствует богатое собрание в его коллекции памятников египетской культуры, восходящих ко времени до эпохи пирамид и кончая веками господства Птолемеев и римских императоров над долиной Нила. Поэтому Владимир Семенович, изучавший с таким успехом иероглифические и иератические тексты, не мог пройти мимо изучения демотического курсива, на котором в греко-римскую эпоху писались не только деловые документы, но также и литературные и даже религиозные произведения. Владимир Семенович начал изучать демотический шрифт в 90-х годах прошлого века и был первым из египтологов, который поставил перед собой задачу составления графически расположенного словаря. Подготовленные им карточки этого словаря хранятся в архиве Отдела Востока Эрмитажа. К сожалению, В. С. Голенищев не смог завершить свою работу над этим словарем, так как его отвлекал кропотливый труд над иератическими папирусами его коллекции, собрания Эрмитажа, а затем Каирского музея. Но заслуга постановки задачи о создании подобного демотического словаря, положив в его основу графический, а не фонетический принцип, остается за В. С. Голенищевым. Быть может, коллективу египтологов Государственного Эрмитажа следует указать в отдельной статье на методические установки, которые русский египтолог 60 лет назад положил в основу задуманного им демотического словаря. Лишь в 1937 г. датским египтологом В. Эрихсеном был опубликован первый опыт расположения основных знаков демотического курсива на основе графического, а не фонетического принципа¹⁰⁴.

В. С. Голенищев был не только одним из лучших знатоков всех основных разновидностей письма древнего Египта, но наиболее выдающимся исследователем египетского языка в обла-

¹⁰¹ См. исследование А. Эрмана, посвященное папирусу о путешествии Уну-Амона, и его же работу над Эрмитажным папирусом № 1115, — ZAS, Bd 38, 1900, S. 1; *ibid.*, Bd 43, 1900, S. 1.

¹⁰² См. транскрипцию папируса о путешествии Уну-Амона и соответствующие примечания у А. Гардинера, — А. Н. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, Bruxelles, 1932, p. 61 f.

¹⁰³ Battiscombe Gunn, *The decree of Amonrasonther for Neskhons*, — JEA, vol. 41, 1954, p. 83. — Данную работу безвременно ушедший английский египтолог посвятил изучению папируса, изданного В. С. Голенищевым. См. сноску 67.

¹⁰⁴ W. Erichsen, *Demotische Lesestücke*, Bd 1, Leipzig, 1937.

сти лексики, грамматики. Он уже в юношеские годы положил начало своему собранию лексикографических материалов¹⁰⁵ и поэтому приобрел такие обширные знания в данной области, что мог при интерпретации издаваемых им текстов и без использования большого Берлинского словаря установить точное значение даже редко встречающихся слов¹⁰⁶. Словарь, приложенный к его изданию сказки о потерпевшем кораблекрушение, изобилует обстоятельными исследованиями о значении слов, встречающихся в издаваемом тексте, и все они покоятся в основном на лексических материалах, им же собранных¹⁰⁷. Владимир Семенович изучал словарный материал не только так называемого классического периода истории египетского языка, но также и других периодов. Свои обширные познания в области лексики новоегипетского языка он доказал тем, что подарил египтологии *editio princeps* знаменитого папируса своего собрания — рассказ о путешествии египтянина Уну-Амона в Финикию¹⁰⁸. Лексика произведений позднего периода египетской письменности рано стала предметом изучения Владимира Семеновича, и он уже в 1877 г. издал трудный для понимания магический текст, начертанный на датируемой IV в. до н. э. стеле, вошедшей в науку под названием «Metternichstele»¹⁰⁹. Несмотря на свои исключительные знания в области лексики египетского языка, Владимир Семенович отнюдь не преувеличивал их значение для правильной интерпретации текстов и не видел в них единственное условие, обеспечивающее подлинное понимание любого памятника египетской письменности. Поэтому он предостерегал тех ученых, которые, увлекшись богатым собранием лексических материалов в большом Берлинском словаре, пытались переводить сложные литературные тексты. Он указывал, что «большинство переводов, предложенных ими, должны быть рассматриваемы как совсем предварительные и подвергаемые строгой ревизии, когда правила египетского синтаксиса будут лучше установлены. Само по себе значение всех слов, составляющих текст, явно не может быть достаточным для того, что-

¹⁰⁵ W. S. Golénisheff, *Die Metternichstele in der Originalgrößen. Zum ersten Mal herausgegeben von W. Golénisheff*, Leipzig, 1877.

¹⁰⁶ См., например, его исследование о значении глагола «hwc», употребленного в связи со словом «сердце» и встречающегося в пророческом тексте 1116В Эрмитажа (W. S. Golénisheff, *Les papyrus hiéatiques...*, p. 6).

¹⁰⁷ «Le conte du naufragé, transcrit et publié par W. Golénisheff», Le Caire, 1912 (далее — W. S. Golénisheff, «Naufragé»).

¹⁰⁸ См. сведения, приведенные в сноске 41, о двух изданиях В. С. Голенищевым папируса Уну-Амона.

¹⁰⁹ Об этом труде В. С. Голенищева сказано в сноске 105.

бы дать точный перевод, пока бесспорная связь между этими словами еще ускользает и пока очень часто необходимо его угадывать»¹¹⁰.

В. С. Голенищев обращал основное внимание в своих исследованиях, посвященных египетскому языку, преимущественно на вопросы синтаксиса, решение которых, как он неоднократно подчеркивал, обеспечивало подлинную интерпретацию текста, способную выдержать критику последующих поколений египтологов. Детальное знакомство с закономерностями синтаксиса должно было вскрыть, согласно его убеждению, всё совершенство египетского языка. Поэтому в своем труде 1912 г., посвященном сказке о потерпевшем кораблекрушение, Владимир Семенович включил в составленный им словарь этой сказки многочисленные исследования, которые должны были определить не только значение отдельных слов, но также и значение комплекса слов, объединенных в одном или нескольких связанных между собой предложениях. Цель, которую преследовал В. С. Голенищев при составлении указанного словаря, он сам формулировал следующим образом: «То, что я всегда в этом глоссарии имел в виду во всех подробностях, это была грамматика и специально синтаксис египетского предложения». Преследуя подобную цель, он надеялся, что «внимательный читатель сможет найти ряд замечаний, которые, может быть, натолкнут его на мысль, что структура египетского языка была достаточно пригодна, чтобы выражать различные оттенки, которые до настоящего времени были лишь недостаточно вскрыты»¹¹¹.

Расширяя и углубляя свои знания в грамматике и особенно в синтаксисе древнеегипетского языка, В. С. Голенищев тем не менее никогда не забывал о наличии многих пробелов в этой области, а поэтому удерживал самого себя и предостерегал других от поспешного исправления «ошибок», находимых в древних текстах на основании грамматических правил, установленных в настоящее время. Он всегда допускал возможность того, что при недостаточности наших знаний грамматики мы могли установить в древнеегипетском тексте ошибку «там, где о таковой в действительности и речи быть не могло»¹¹².

В. С. Голенищев в своих исследованиях неоднократно отмечал недостаточность наших знаний в области науки о египетском языке и поднимал многие нерешенные проблемы.

¹¹⁰ W. S. Golénisheff, *Les papyrus hiératiques...*, p. 4b, ref.

¹¹¹ W. S. Golénisheff, «*Naufragé*», p. V.

¹¹² *Ibid.*

Одним из существенных моментов, задерживавших, по мнению В. С. Голенищева, дальнейший прогресс в изучении грамматики и, в частности, синтаксиса египетского языка, являлось роковое воздействие той египтологической школы, которая поставила себе задачей доказать, что египетский язык был чрезвычайно близок языкам семитическим и что правила грамматики семитических языков естественно могли быть перенесены на него¹¹³. Основоположником этой египтологической школы, с которой полемизировал В. С. Голенищев, был А. Эрман, профессор Берлинского университета, и поэтому созданное им направление в науке о египетском языке получило название «Берлинской школы». Исследование А. Эрмана, впервые установившее известную связь между египетским языком и семитической семьей языков, Владимир Семенович назвал блестящим¹¹⁴, и он выступал лишь против тех крайних выводов, которые были сделаны из указанного вполне правильного наблюдения. Он никак не мог согласиться с положением о тесной родственной связи египетского языка с семьей семитических языков¹¹⁵, так как, по его мнению, египетский язык находился на иной ступени развития, нежели семитические языки.

В 1922 г. В. С. Голенищев, пытаясь определить степень близости между египетским и семитическими языками и тем самым выявить моменты сходства и различия между ними, писал: «Если несколько пунктов сходства, которые действительно существуют между египетским и семитическими языками, являются самое большее достаточными для установления нами возможности происхождения египетского языка от того же языка-матери, который несомненно значительно позднее дал также жизнь семитическим языкам, — то сколь великими являются во всяком случае различия между египетским и другими отпрысками этого протосемитического языка, в котором еще не стабилизировались характерные черты семитических языков, когда египетский стал отделяться, сохраняя в своем построении мно-

¹¹³ W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 687—711.

¹¹⁴ *Ibid.*, p. 686—687.

¹¹⁵ Согласно определению А. Эрмана, египетский язык принадлежит большому племени языков, к которому также принадлежат семитические языки, языки восточноафриканских народов (Бешарин, Сахо, Галла, Сомали) и берберские языки Северной Африки (Egman, *Ag. Gr. S. 1*). Следовательно, А. Эрман не различает ступень развития египетского и семитических языков. На различие во времени выделения отдельных представителей большой семито-хамитской семьи языков указывает Д. А. Ольдерогге. См. Д. А. Ольдерогге, *Происхождение языка Хауса*, — «Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов», М., 1956, стр. 14 и сл.

гие черты, чрезвычайно примитивные, которые не встречаются более в других языках»¹¹⁶.

Подобная формулировка, предложенная Владимиром Семеновичем для определения родства между египетским и семитическими языками, может вполне удовлетворительно, как я полагаю, объяснить установленное наукой соотношение между языками, входящими в состав большой семьи, которая объединяет языки Восточной и Северной Африки, египетский и семитические языки. Развивая дальше мысль Владимира Семеновича, следует предположить, что от «языка-матери» в глубочайшей древности отделились языки восточноафриканских народов и берберов, затем уже египетский и, наконец, в последнюю очередь семитические языки. В древнейшее время «язык-мать», так называемый прасемитский язык, еще не знал исключительного преобладания согласных звуков, которое стало специфической чертой его лишь в эпоху отпочкования от него египетского языка¹¹⁷, а в условиях дальнейшего развития появились уже прочие особенности, характерные для семитических языков.

¹¹⁶ W. S. Golénisheff, *Remarques*, p. 685. — Сравним определение близости между египетским и семитическими языками, которое предложил В. С. Голенищев в 1912 г.: «Я не могу допустить крайности в сближении грамматических форм древнеегипетского языка с формами семитических языков, точно так же, как я далек от того, чтобы отрицать всякое родство в происхождении египетского и протосемитического языка, который в эпоху, когда египетский язык уже давно от него (протосемитического) отделился, дал рождение различным семитическим говорам» (W. S. Golénisheff, «Naufragé», p. XII; см. также p. 128—130). Положение В. С. Голенищева о том, что египетский язык значительно раньше, нежели семитические языки, отделился от прасемитического, мы находим и у А. Унгнада (A. Ungnad, *Das Wesen des Ursemitischen*, Leipzig, 1925, S. 22).

¹¹⁷ Мне кажется, что, когда В. С. Голенищев в 1922 г. писал свои «Ремарки», он уже не столь непримиримо относился к транскрипции египетских слов одними лишь согласными, как это предложил А. Эрман. Действительно, в 1912 г. Владимир Семенович еще заявлял, что он отнюдь не убежден в том, что в иероглифах, названных Эрманом именами букв семитического алфавита (алеф, йод, айн и вав), «мы должны видеть согласные, ибо вся теория глаголов со слабыми согласными в древнем египетском языке, для подкрепления которой существенно объявление указанных знаков согласными, кажется, требует переработки» (W. S. Golénisheff, «Naufragé», p. XII). В 1922 г. В. С. Голенищев в основном полемизирует с положением о наличии в египетском языке так называемой трехбуквенной системы, которая столь характерна для семитических языков и которую немецкая школа хочет, против всякой очевидности, найти в древнеегипетском языке. Я полагаю, что можно признавать в языке исключительное преобладание согласных и тем не менее не признавать в нем наличия трехлитеральной системы (W. S. Golénisheff, *Remarques*, p. 685—689).

Опираясь на свое определение родства египетского языка с семитическими, Владимир Семенович никак не мог согласиться с тем выводом, который сделал А. Эрман из своего блестящего открытия египетской глагольной формы $\text{\$dm.kwj}$, $\text{\$dm.ty}$ и т. д.¹¹⁸. Дело в том, что А. Эрман поставил безоговорочно открытую им египетскую глагольную форму в связь с семитическим перфектом, хотя, как он сам признавал, значение последнего существенно отличалось от египетской глагольной формы. Семитический перфект является, как известно, глагольной формой рассказа, содержащей высказывание о свершившемся и завершённом действии. Что же касается глагольной формы, установленной А. Эрманом в египетском языке, то «она почти всегда примыкает к чему-нибудь предшествующему»¹¹⁹ и соответствует по своему значению причастию. Поэтому А. Эрман назвал установленную им глагольную форму «Pseudo-Participium», указывая тем самым на противоречие, которое существует между ее значением как причастия и наличием в ней признаков спряжения. Он видел тем не менее в ней «более древнюю флексию»¹²⁰, которая когда-то, очень давно, играла действительно роль перфекта и уступила ее лишь в последующее время «более поздней флексии»¹²¹, ставшей основной формой «verbum finitum» в древний и классический период истории египетского языка¹²².

Против определения А. Эрманом «псевдопартиципия» более древней флексией, а формы $\text{\$dm.f}$ более поздней флексией В. С. Голенищев выдвинул в своих «Remarques» следующие возражения. Он указал на то, что глагольная форма, установленная А. Эрманом и названная им «Pseudo-Participium», является по существу лишь причастием и не может быть, следовательно, причисленной к спрягаемым глагольным формам¹²³.

¹¹⁸ А. Эрман достаточно ярко описал в своей автобиографии то настроение, которое он пережил в один из вечеров 1889 г., когда открыл указанную глагольную форму в египетском языке (А. Erman, *Mein Werden und mein Wirken*, Leipzig, 1929, S. 263).

¹¹⁹ См. хотя бы указание на значение этой глагольной формы у А. Эрмана (Erman, *Äg. Gr.*, 1928, S. 324).

¹²⁰ *Ibid.*, S. 325.

¹²¹ *Ibid.*, S. 277 (« $\text{\$dm-f}$ »).

¹²² Следует указать на то, что А. Эрман на стр. 70 3-го издания своей «Äg. Gr.» (1911 г.) высказал предположение, что «Pseudo-Participium», содержащий почти во всех лицах своего спряжения отсутствующее в семитическом перфекте конечное «у», является формой, производной от погибшего в египетском языке перфекта. Но и при таком предположении «Pseudo-Participium» оставался для А. Эрмана по существу тем же самым обозначением, что и семитический перфект.

¹²³ W. S. Golénisheff, *Remarques*, p. 678—711.

Поэтому он предложил для нее название «Le participe à flexions»¹²⁴ и тем самым отверг всякую возможность видеть в ней более древнюю флексию египетского глагола. Ошибка же А. Эрмана была обусловлена, как подчеркнул В. С. Голенищев, стремлением подчинить египетскую грамматику закономерностям семитических языков¹²⁵.

Не соответствует действительности, по мнению Владимира Семеновича, и утверждение А. Эрмана, что основная глагольная форма египетского языка *šdm.f* и ее варианты являются более поздней флексией. Опровергая его, В. С. Голенищев указывает и на чрезвычайный архаизм в структуре этой глагольной формы¹²⁶ и подчеркивает вместе с тем, что «ничто, абсолютно ничто, и в самых древних египетских надписях не указывает на то, что глагольные формы, состоящие из корня глагола со следующим за ним подлежащим, появились позже, чем другие формы, объявленные без достаточного основания более древними»¹²⁷. Подобное ошибочное утверждение было также в конечном итоге связано с выводом А. Эрмана о семитизме египетского языка.

Не соглашаясь с этим выводом, «вполне логическим на первый взгляд»¹²⁸, Владимир Семенович должен был объяснить себе тот факт, что «причастие с флексией», окончания которого совпадают с окончанием семитического перфекта, оставалось тем не менее все же причастием, с которым нельзя было связать ни значение перфекта, ни вообще значение *verbum finitum*¹²⁹. Ответил В. С. Голенищев на поставленный перед собой вопрос следующим образом: «Не видим ли мы, в среде самой семьи семитических языков, достаточно аналогичное явление в

¹²⁴ W. S. Golénisheff, «Naufragé», p. 30, 41, 43. — В «Ремарках» он предложил еще название «participle conjugable» (W. S. Golénisheff, *Remarques*, p. 685—711).

¹²⁵ М. Э. Матье в своей работе «Основные черты древнеегипетского глагола» признает справедливость указания В. С. Голенищева, что внесение в египетский язык норм семитических языков затрудняет его изучение. См. «Ученые записки ЛГУ», № 123, вып. 3, Серия филологических наук, Л., 1952, стр. 215 (далее — М. Э. Матье, *Основные черты...*).

¹²⁶ Закономерность утверждения Владимира Семеновича, что египетский язык времени Древнего и Среднего царства отличался рядом архаичных черт, признает и М. Э. Матье (М. Э. Матье, *Основные черты...*, стр. 215).

¹²⁷ W. S. Golénisheff, *Remarques*, p. 2.

¹²⁸ *Ibid.*, p. 3.

¹²⁹ В. С. Голенищев доказывает — по моему мнению, убедительно, — что известное выражение «tjms.kwj» в строке 159 рукописи рассказа Синухета надлежит переводить «страна, в которой ты родил меня», а не «страна, в которой я родился» (W. S. Golénisheff, *Remarques*, p. 685—711).

ассирийском глаголе, который, во всем заимствуя форму второго аориста (имперфекта) других семитических языков, оказывается всегда использованным в значении первого аориста (перфекта). Таким образом, несмотря на большое сходство между египетским партиципием и первым семитическим аористом, значение обеих глагольных форм, тождественных по видимости (аррагепсе), может не быть одинаковым в двух группах языков, и не следует полностью отождествлять эти формы, так же как нельзя сказать, что второй аорист, используемый ассирийцами в качестве перфекта, должен с необходимостью иметь значение имперфекта, так как только в этом значении он встречается в еврейском, в арабском и в других семитических языках»¹³⁰.

В. С. Голенищев, являясь исследователем в области ассириологии, мог с успехом привлечь данные о вавилоно-ассирийском глаголе, его формы настоящего времени и так называемого претерита для решения вопроса о наличии в египетском языке глагольного образования, соответствующего не только формально, но и по существу семитическому перфекту. Приступая к решению данного вопроса, В. С. Голенищев, конечно, знал, что установленный Эрманом «Pseudo-Participium» был сопоставлен не только с семитическим перфектом, но и со своеобразной глагольной формой вавилоно-ассирийского языка, называемого обычно «пермансивом»¹³¹. Пермансив, входящий, по мнению ассириологов, к глубокой древности¹³², привлек даже особое внимание некоторых египтологов близким сходством своих окончаний с окончанием «псевдопартиципия»¹³³. Если же Владимир Семенович в своем исследовании 1922 г., определяющем степень родства египетского языка с семитическими, упоминает из гла-

¹³⁰ W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 687.

¹³¹ Б. Ландсбергер и его школа заменили «пермансив» термином «ставтив» (W. von Soden, *Grundriss der Akkadischen Grammatik*, — «Analecta Orientalia», t. 33, Roma, 1952, § 76).

¹³² A Ungnad, *Das Wesen des Ursemitischen*, S. 9.—К. Брокельман видит в пермансиве более позднее образование (С. Brockelmann, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen*, Bd II, Berlin, 1913, S. 583). Последней справкой я обязан любезности И. Н. Винникова, за что и приношу ему благодарность.

¹³³ Gardiner, *Eg. Gr.* § 309. — По словам М. Э. Матье, текст во втором издании не изменен. А. Гардинер заменил термин Эрмана «Pseudo-Participium» термином «Old Perfective». М. Э. Матье называет глагольную форму, открытую А. Эрманом, формой «šdm. w» и сопоставляет ее окончания не с окончанием семитического перфекта, а с окончаниями вавилоно-ассирийского пермансива (М. Э. Матье, *Основные черты...*, стр. 216). Столь же хорошее соответствие находят окончания «псевдопартиципия» и в окончаниях эфиопского перфекта.

гольных форм вавилоно-ассирийского языка лишь формы настоящего времени и претерита, а пермансив совсем не упоминает, то это было обусловлено, надо думать, его особым положением в системе вавилоно-ассирийского глагола. Дело в том, что пермансив, или статов, являлся по существу спрягаемым именем существительным, поскольку имена существительные, обозначающие лицо, могли стоять в пермансиве. Пермансив мог употребляться и при имени прилагательном, а при глаголе пермансив соответствовал спрягаемому отглагольному имени прилагательному¹³⁴. В египетском же языке окончания так называемого «псевдопартиципия» не могли быть присоединены к какому-либо имени существительному. Кроме того, пермансив указывает на состояние, но без указания на ступень времени¹³⁵, в противоположность семитическому перфекту¹³⁶. Эти два момента, очевидно, и побудили В. С. Голенищева не привлекать форму пермансива в исследовании, решавшем вопрос о возможности сопоставления египетского «псевдопартиципия» с семитическим перфектом.

В настоящее же время открытие, сделанное в течение последних двух десятилетий в области изучения вавилоно-ассирийского глагола, окончательно оправдывает отказ Владимира Семеновича от использования пермансива для решения указанной задачи. Таким открытием являлось установление В. Landsberger'ом в вавилоно-ассирийском языке наряду с глагольными формами настоящего времени претерита и пермансива еще и формы перфекта, которая характеризуется инфиксом *-ta*¹³⁷. Если же на самом деле наряду с претеритом и пермансивом был создан и перфект, то из данного факта, очевидно, следует, что вавилоно-ассирийский язык не был в состоянии отметить при помощи первых двух указанных глагольных форм то действие, которое в семитических языках выражалось формой перфекта. В таком случае пермансив, подобно претериту, не может по существу сопоставляться с перфектом, и Владимир Семенович был вполне прав, когда он в своем исследовании 1922 г. не коснулся проблемы, связанной с пермансивом, формально столь сходным с египетским «псевдопартиципием».

¹³⁴ А. Ungnad, *Das Wesen des Ursemitischen*, S. 3—9; *Babylonisch-Assyrische Grammatik*, Leipzig, 1926, §§ 26, 30; W. von Soden, *Grundriss der Akkadischen Grammatik*, § 77.

¹³⁵ А. Ungnad, *Babylonisch-Assyrische Grammatik*, § 30 da; W. von Soden, *Grundriss der Akkadischen Grammatik*, § 77.

¹³⁶ См., например: С. Steuernagel, *Hebräische Grammatik, mit Paradigmen, Literatur, Übungsstücken und Wörterverzeichnis*, Berlin, 1909, § 30.

¹³⁷ Открытие Б. Ландсбергера было подкреплено наблюдениями ряда других ассириологов.

Для решения той задачи, которую поставил себе Владимир Семенович, было вполне достаточно указания на наличие в семитическом вавилоно-ассирийском языке глагольной формы, соответствующей по своему строению имперфекту других семитических языков, а по своему значению игравшей роль перфекта.

На основании этого факта Владимир Семенович был вправе сделать вывод, что и глагольная форма «псевдопартиципия» в египетском языке, не являвшемся даже семитическим языком, могла также по существу своему не соответствовать семитическому перфекту, хотя между ними в отношении окончаний и существовало близкое сходство. Тем самым опровергался основной довод в пользу того положения, согласно которому многие явления в древнеегипетском языке становились понятными лишь при условии привлечения сравнительного материала, почерпнутого из семитических языков¹³⁸. Используя материал восточноафриканских языков, известный французский лингвист М. Коэн пришел, подобно В. С. Голенищеву, также к выводу о необязательности сближения египетского «псевдопартиципия» с семитическим перфектом¹³⁹.

Наши знания о египетском глаголе В. С. Голенищев обогатил не только своим исследованием о «псевдопартиципии» или, следуя его терминологии, о «причастии с флексией» *gesp.* «спрягаемом причастии», но также исследованием о геминирующем варианте формы *šdm.f.* Он в противоположность А. Эрману не видел в нем выражение эмфасиса¹⁴⁰, но интерпретировал его как выражение повторного или постоянного действия¹⁴¹. А. Гардинер полностью признал приоритет В. С. Голенищева в установлении правильного значения этой глагольной формы¹⁴².

Несомненный вклад В. С. Голенищев внес в грамматику египетского языка; им был поставлен вопрос о синтаксическом различии между предложениями, в которых глагол предшествует подлежащему, и предложениями, в которых подлежащее

¹³⁸ О значении семитических языков для изучения древнеегипетского см. Ерман, *Ag. Gr.*, § 1, 5.

¹³⁹ Надлежит отметить, что французский исследователь приходит даже к выводу, что и в отношении окончаний не требуется сближения между псевдопартиципием и перфектом.

¹⁴⁰ А. Ерман, *Ag. Gr.* (3 и 4-е изд.).

¹⁴¹ W. S. Golénisheff, «*Naufragé*», p. 61—64. — В. С. Голенищев мне говорил, что он мог правильно интерпретировать эту геминирующую глагольную форму, поскольку он был русским, а русский язык в противоположность западноевропейским отмечает в глаголе многократность действия.

¹⁴² Gardiner, *Eg. Gr.*, § 438, ref. 1.

предшествует глаголу¹⁴³. Согласно Владимиру Семеновичу, первые заявляют о свершающемся или свершившемся событии или действии, вторые, как он утверждал, не могут играть эту роль и чаще всего поясняют или указывают на обстоятельство, при которых имели место события или действия, высказываемые в главном предложении. Он подчеркивал, что ошибочное смешение синтаксической значимости обеих категорий предложений «имело роковые последствия» для точного понимания текстов: получалось таким образом значительное число главных предложений, что заставляло переводчика делить текст на короткие фразы¹⁴⁴.

В. С. Голенищев включал в категорию предложений, где подлежащее предшествует глаголу, и те предложения, в которых сказуемым является не глагольная форма, а имя существительное. Подобного рода предложения А. Эрман называл, следуя терминологии семитической грамматики, «номинальными предложениями» и по существу не делал различия между ними и предложениями, в которых глагол-сказуемое стоит на первом месте¹⁴⁵. Для доказательства своего положения В. С. Голенищев приводил много примеров¹⁴⁶. Из них я позволю себе упомянуть тот, который, опираясь на установленную синтаксическую закономерность, уточнил перевод одного из авторитетнейших египтологов. В. С. Голенищев нашел данный пример в строках 2—4 столбца 19 известного папируса Anastasi¹⁴⁷, содержащего письмо, автор которого издевается над своим товарищем, которому он пишет. Так, он в указанном месте папируса обвиняет адресата в трусости, удержавшей его от посещения области по имени Памагир, где его ждали опасности. А. Гардинер следующим образом переводит комплекс предложений, которыми автор письма выражает обвинение адресата в указанном пороке: «Ты [не] вступал на путь в [области] Памагир.

¹⁴³ W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. VII. — Здесь перечислены под № 8—10 те страницы словаря, приложенного к тексту сказки, на которых рассматриваются предложения, где подлежащее стоит на первом месте. У В. С. Голенищева указанные предложения специально исследуются («Remarques», p. 685—711). А. Эрман дает подобным предложениям название, взятое из терминологии грамматики семитических языков: «verbal. Nominalsatz» (Erman, Äg. Gr., § 362). А. Гардинер называет их «pseudo-verbal construction» (Gardiner, Eg. Gr., § 319).

¹⁴⁴ W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 685—711; Erman, Äg. Gr., § 366.

¹⁴⁵ Erman, Äg. Gr., § 469.

¹⁴⁶ W. S. Golénischeff, «Naufragé»; W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 687—689.

¹⁴⁷ Иероглифическая транскрипция, перевод и комментарий этого текста дан А. Гардинером (A. H. Gardiner, *Literary texts of the New Kingdom*, London, 1909).

[где] небо темно днем, а она, заросшая кипарисами /?/ и дубами и кедрами, которые достигают неба, [где] львы более многочисленны, чем леопарды и гиены /?/, и [она] окружена „Шасу“ — людьми на <каждой> стороне»¹⁴⁸.

В. С. Голенищев дал отрицательную оценку переводу английского египтолога, так как он не передает точно смысл текста, не учитывая значения предложений, построенных по образцу: имя существительное — подлежащее + предлог + имя существительное¹⁴⁹. Положив в основу синтаксическое наблюдение, сделанное В. С. Голенищевым, надлежит перевести следующим образом: «Ты [не] вступил на дорогу к [области] Памагир, [в котором] небо мрачно [и] днем, [потому что] она, заросшая кипарисами (?), дубами [и] кедрами, достигающими неба; [потому что] множество львов [там] [более велико], чем леопардов и гиен (?), и окружена кочевниками на дороге к ней»¹⁵⁰, т. е. к области Памагир. Надлежит признать, я полагаю, что данный перевод строк 2—4 столбца 19 папируса Анастаси I, покоящийся на установленном В. С. Голенищевым синтаксическом положении, заслуживает преимущества перед переводом А. Гардинера, ибо он должным образом связывает между собой отдельные предложения, входящие в состав анализируемого текста. Свое синтаксическое положение Владимир Семенович пытался подкрепить анализом текстов самых различных эпох египетской письменности, начиная с эпохи Древнего царства и кончая временем господства Птолемеев¹⁵¹.

Многих других интересных наблюдений в области египетской грамматики и, в частности, синтаксиса было сделано В. С. Голенищевым в связи с его долголетним изучением текста сказки о потерпевшем кораблекрушение (как, например, исследование об именах существительных, имеющих одновременно две формы, форму мужского и форму женского рода, открытие отглагольного прилагательного, сделанное одновременно им и А. Эрманом, установление различных форм эллипсиса и т. д.)¹⁵². Среди более мелких, но тем не менее существенных наблюдений, про-

¹⁴⁸ Ibid., p. 21. — Примерно так же, без какой-либо связи между отдельными фразами, переводит этот комплекс и А. Эрман (A. Erman, *Die Literatur der Aegypter*, Leipzig, 1923, S. 287 (далее — A. Erman, *Literatur...*)).

¹⁴⁹ W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 685—711.

¹⁵⁰ В переводе я пытаюсь отметить отличие между обеими категориями предложений.

¹⁵¹ Тем самым работа В. С. Голенищева «*Remarques*» становится одним из ценных исследований в области египетского синтаксиса.

¹⁵² W. S. Golénischeff, «*Naufragé*», p. 163; Erman, *Äg. Gr.*, § 379; Gardiner, *Eg. Gr.*, § 486.

веденных В. С. Голенищевым при исследовании сказки о потерпевшем кораблекрушение, надлежит обратить особое внимание на определение той части предложения, с которой выражение *ḡ mjt.t ḡy* «также» должно быть соединено¹⁵³. Это выражение встречается в тексте сказки в строках 171—172. А. Эрман перевел в своем исследовании, посвященном сказке, указанное предложение следующим образом: «Я восхвалял на берегу владыку этого острова, и также (поступали) те, которые были на нем» (т. е. на корабле)¹⁵⁴. В. С. Голенищев не согласился с переводом, предложенным А. Эрманом для второй части предложения, указав на следующий момент: «Выражение *ḡ mjt.t ḡy* и его синонимы *mjt.t ḡy*; *m mjt.t* и *mjt.t* никогда не используются для того, чтобы соединить второе подлежащее с предшествующим глаголом, имеющим уже свое подлежащее. Все эти выражения, по крайней мере в тех примерах, которые мне известны, служат для того, чтобы присоединить второе имя существительное (или даже несколько имен существительных) к первому имени существительному, если последнее выполняет функцию прямого или косвенного дополнения в связи с предшествующей ему глагольной формой»¹⁵⁵.

Опираясь на данное установленное им положение, В. С. Голенищев предложил следующий перевод приведенного выше предложения из текста сказки о потерпевшем кораблекрушение: «Я воздал благодарения на берегу для владыки острова этого (и) тех, которые на нем (т. е. на берегу) также»¹⁵⁶. Эта интерпретация Голенищевым текста начала строки 172 сказки Эрмитажного собрания имеет решающее значение для правильного понимания одного из существенных эпизодов сказки, рассказанного в строках 125—132 папируса¹⁵⁷. Поэтому переводчикам сказки надлежит с большим вниманием отнестись к наблюдению русского египтолога о значении выражения *ḡ mjt.t ḡy* в контексте предложения.

Издание труда, посвященного сказке о потерпевшем кораблекрушении, было связано для В. С. Голенищева с одним трагикомическим случаем. Дело в том, что он в противоположность А. Эрману видел в слове *bw* строки 152 папируса частицу отрицания, на что немецкий египтолог возражал, указывая

¹⁵³ W. S. Golénisheff, «Naufragé», р. VI—VIII, где В. С. Голенищев перечисляет 21 пункт грамматики, которые детально изучены им в его труде.

¹⁵⁴ ZAS, Bd 43, 1906, S. 22.

¹⁵⁵ W. S. Golénisheff, «Naufragé», р. 11.

¹⁵⁶ Ibid.

¹⁵⁷ См. W. S. Golénisheff, «Naufragé», р. 106—107. — Здесь он polemизирует с интерпретацией строк 125—132, предложенной А. Эрманом (ZAS, Bd 43, 1906, S. 17) и К. Зете (ZAS, Bd 44, 1907, S. 34).

на отсутствие какого-либо свидетельства о наличии подобного отрицания в египетских текстах, предшествующих XVIII династии¹⁵⁸. В. С. Голенищеву же удалось установить на стеле XIII династии эту частицу отрицания, но, к сожалению, его торжество было омрачено роковой опечаткой: стела, основа его триумфа, была датирована в издаваемом им труде не XIII, а XVIII династией¹⁵⁹. Еще в 1916 г. Владимир Семенович в разговоре со мной с горечью вспоминал об этой досадной опечатке.

В дальнейшем В. С. Голенищева привлекла и проблема интснации в египетских текстах¹⁶⁰, но постоянным спутником дней его старости оставалась упорная и плодотворная работа над вопросами синтаксиса древнеегипетского языка. Плодом этой многолетней исследовательской работы явился монументальный труд, поставивший решение проблем древнеегипетского синтаксиса на надежную основу широкого и глубокого знания памятников всех эпох египетской письменности и выявивший тем самым подлинную связь между отдельными словами в предложении и между отдельными предложениями в большом контексте этих памятников. Он, к сожалению, еще не напечатан, и наличие в научном наследии В. С. Голенищева столь ценного еще не опубликованного труда налагает на советских египтологов определенную обязанность содействовать его скорейшему спубликованию, чтобы достижение научной мысли выдающегося русского ученого стало бы достижением всех тех, кому дорого правильное понимание памятников многогранной письменности древнего Египта.

Богатое содержание научного наследия В. С. Голенищева не ограничивается одними лишь исследованиями в области египетского письма и грамматики. Он оставил глубокий след и в истории изучения некоторых замечательных произведений египетской литературы. Будучи еще совсем юным, Владимир Семенович в 1877 г. сделал доступным широким научным кругам самый большой и полный из своеобразных памятников магической литературы, начертанных на каменных плитах с изображением Гора, попирающего ногами крокодилов и давящего руками змей и других гадов. Магические формулы, заполняющие всю свободную от изображений поверхность этих плит,

¹⁵⁸ ZAS, Bd 43, 1906, S. 20.

¹⁵⁹ W. S. Golénisheff, «Naufragé», p. 10, ref. 1, p. 63.— В пользу мнения В. С. Голенищева недавно высказался Ж. Клэр (J. J. Clère, *L'ancienneté des négations à b initial du néo-égyptien*,— «Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Kairo», Bd 14, 1956, S. 29(33).

¹⁶⁰ W. S. Golénisheff, *Le rôle de l'intonation dans quelques textes égyptiens*, — MIFAO, t. 66, Le Caire, 1935—1938, p. 637—646.

должны были служить защитой против укусов змей и скорпионов. Издание же В. С. Голенищевым большой стелы, названной по имени владельца «Меттерниховой»¹⁶¹, преследовало еще и политическую цель, которая в данном случае была, пожалуй, основной.

Молодой автор издания памятника был на правильном пути к определению основной цели его составления, когда обратил внимание на то, что имени царя, изображенного на стеле молящимся перед божеством, не сопутствует выражению *m; ' ḥgw* «правогласный», которое ставилось за именем покойного. Из этого он сделал вполне закономерный вывод о том, что памятник должен быть датирован временем правления царя, имя которого было увековечено на нем¹⁶². К сожалению, он отождествил, следуя общепризнанному тогда определению имен царей XXX династии Манефона, имя фараона на стеле *Nḥt—Nḥ—Nḥbj.t* не с Нектанебом II (359—341 гг. до н. э.), а с Нектанебом I (379—360 гг. до н. э.) манефоновского списка. Поэтому В. С. Голенищев не мог увидеть в царе, создателе стелы Меттерниха, того фараона, при котором многострадальный Египет пережил одну из самых мрачных трагедий своей истории — нашествие полчищ свирепого Артаксеркса III Оха. В условиях страшной опасности Востоку со стороны безжалостного врага Нектанеб II был вынужден обращаться с мольбой о помощи и к божественным силам, как об этом свидетельствует один греческий папирус, который повествует о свидении Нектанеба II в 16-й год его царствования¹⁶³. Подобной же попыткой спастись в неминуемой войне со страшным противником являлась, надо полагать, и эта стела, которая должна была охранить царя не столько от змей и скорпионов, сколько «от политических гадов — от персов»¹⁶⁴.

Два других литературных памятника, изучению содержания которых В. С. Голенищев посвятил немало лет своей жизни исследователя, были особенно близкими и дорогими ему, так как они были открыты им самим и подарены науке, изучающей историю и культуру древнего Египта. Это были эрмитажный папирус № 1115, повествующий о приключениях потерпевшего кораблекрушение на волшебном острове среди «Великого Зеленого» моря, и папирус его собрания, содержащий отчет о путешествии египтянина Уну-Амона в Финикию.

¹⁶¹ W. S. Golénischeff, *Die Metternichstele in der Originalgrößen*.

¹⁶² *Ibid.*, p. 1.

¹⁶³ В. В. Струве, *У истоков романа об Александре*. — «Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга», Л., 1926, стр. 36.

¹⁶⁴ Б. А. Тураев, *Египетская литература*, т. I, стр. 225.

Первый из названных литературных папирусов занимал мысли Владимира Семеновича начиная с 1881 г., когда он его открыл в Эрмитаже. Прочитав в очень короткий срок его иератический курсив, он интерпретировал текст настолько, что мог с его переводом ознакомить присутствовавших на Международном конгрессе востоковедов, который состоялся в том же 1881 г. в Берлине. Но читателя этого доклада о египетской сказке Эрмитажного музея, опубликованного в трудах конгресса под названием «*Sur un ancien conte égyptien*»¹⁶⁵, поражают не только большие знания древнеегипетского языка, но исключительное знакомство его автора с фольклором древнего и средневекового Ближнего Востока. Еще более обширные и углубленные познания фольклорного материала В. С. Голенищев показывал в своих последующих работах об открытой им древнеегипетской сказке — в исследовании 1906 г., в котором он дал точный перевод и обстоятельный историко-литературный комментарий сказки¹⁶⁶, и в своем труде 1912 г., во введении к которому он с помощью привлечения богатого фольклорного материала отстаивал свое толкование содержания текста эрмитажного папируса № 1115, взятого во всем его объеме¹⁶⁷. В. С. Голенищев установил в изучаемой им древнеегипетской сказке отражение сказочных мотивов, исторических легенд, занимательных историй, засвидетельствованных Одиссеей, трудами Геродота, Феофраста и Птолея, библией, рассказами о приключениях морехода Синдбада из сказок 1001 ночи, сочинениями по космографии и географии Ал-Казвини и Мухаммеда эд-Демихки, сказаниями армянского анонимного историка VII в. н. э., историческими легендами Абиссинии и т. д. В связи с изучением мотивов и сюжетов, вплетенных в пеструю ткань повествования о приключениях потерпевшего кораблекрушение, В. С. Голенищев еще в докладе 1881 г. высказал интересную догадку о роли финикийских мореходов как передатчиков легенд и сказок Египта народам Средиземноморья¹⁶⁸. Заслуживает также внимания сопоставление В. С. Голенищевым уже в том же докладе 1881 г. свидетельства Геродота (II, гл. 8) о двухмесячном пути из Египта до места добычи храмовых курений с упоминанием в сказке, что потерпевший кораблекру-

¹⁶⁵ На титульном листе оттиска из Трудов конгресса, содержащего «*Sur un ancien conte égyptien*», стоит дата 1881 г., а в «*Inventaire de la collection égyptienne*» Эрмитажа указанный оттиск датируется 1882 г.

¹⁶⁶ W. S. Golénisheff, *Le papyrus № 1115 — de l'Ermitage Impérial de Saint-Pétersbourg*, — RT, t. 28, 1906, p. 1—40.

¹⁶⁷ W. S. Golénisheff, «*Naufragé*».

¹⁶⁸ *Ibid.*, p. 18.

шение плыл до Египта два месяца на корабле, приставшем к волшебному острову, на который злополучный мореход был выброшен волнами после гибели его корабля¹⁶⁹.

Особенно же убедительным свидетельством дальновидности молодого исследователя является его догадка, высказанная в том же докладе 1881 г., что, может быть, открытая им древнеегипетская сказка «представляет собой лишь извлечения из более пространной сказки, которая, возможно, имела некоторые детали, которые сохранились для нас теперь только в соответствующей арабской сказке» (т. е. в одной из сказок о Синдбаде-мореходе)¹⁷⁰. Эта догадка, высказанная В. С. Голенищевым на заре его исследовательской деятельности, была им по существу подтверждена путем дальнейшего углубленного изучения текста сказки и была принята другими египтологами, которые стали работать над открытым им литературным памятником древнего Египта.

Действительно, сказка вводит без предварительных разъяснений главное действующее лицо своего основного сюжета, некоего «почтенного сопровождающего (воина)», в качестве собеседника своего начальника, некоего вельможи, так же как и он, не названного по имени. «Сопровождающий (воин)» приветствует вельможу с благополучным возвращением из какой-то экспедиции, совершенной на кораблях, и предлагает ему предстать перед фараоном. Затем, очевидно, в целях подтверждения своего предложения он рассказывает вельможе о всем случившемся с ним самим после гибели корабля, на котором он отправился к рудникам царя. Он был выброшен волнами моря на волшебный остров, снабженный всем необходимым для жизни и находившийся под властью дракона, который отнесся благожелательно к нему, потерпевшему кораблекрушение. Дракон рассказал ему о своих собственных злоключениях и предсказал, что к острову прибудет египетский корабль и потерпевший счастливо возвратится на нем в Египет. Предсказание сбылось, и «сопровождающий (воин)» нагрузил корабль, экипаж которого он знал, дарами благодетельного дракона, драгоценными растениями острова, который после отплытия корабля исчез в волнах моря. Прибыв в столицу, он преподнес царю дары, привезенные с острова. Царь поблагодарил его перед собранием сановников всей страны, назначил его «сопровождающим (воином)» и одарил рабами¹⁷¹.

¹⁶⁹ Ibid., p. 21.

¹⁷⁰ Ibid., p. 17.

¹⁷¹ В тексте (строка 179) стоит слово «головы», что в египетских, шумерийских и вавилонских текстах обозначает в подобном контексте рабов.

Чтобы правильно понять сказку в толковании В. С. Голенищева, необходимо дать точный перевод ее конца. Можно начать с момента, когда «сопровождающий (воин)» вновь обращается к своему начальнику: «Посмотри на меня после того, как я пристал к земле, после того, что я видел, что я испытал! Слушай меня! Хорошо слушать людей. Он говорил (герр. сказал) мне...¹⁷² друг мой. Разве дают воду птице на рассвете, когда ее хотят зарезать утром».

На этом заканчивается текст самой сказки и следует заключение, которым обычно заканчиваются литературные произведения Египта классического периода¹⁷³: «Это значит, что он (т. е. рассказ) пришел [к завершению со] своего начала до своего конца, подобно найденному в [древнем] писании. Записал писец почтенный своими пальцами, Амени-Амено, да будет он жив, невредим, здрав».

Из процитированного мной заключения текста папируса следует, что записанная на последнем сказка уже длительное время привлекала внимание читателей и слушателей, хотя и являлась лишь извлечением из более пространного рассказа. Очевидно, сказка и в таком сокращенном виде казалась тем, кто с ней знакомился, завершённой повестью, заслуживающей того, чтобы она была переписана с древнего манускрипта. Поэтому В. С. Голенищев дал такое истолкование содержанию сказки, которое сохраняло за ней максимальную целостность изложения. Согласно его пониманию, все содержание сказки, с начала до ее конца, исчерпывается речью «почтенного сопровождающего (воина)», который сперва предлагает вельможе, своему начальнику, явиться перед царем, а затем рассказывает ему о своих приключениях на море и на волшебном острове, а также о наградах, полученных им от царя за привезенные с острова ценности¹⁷⁴. По мнению В. С. Голенищева, неудачная экспедиция героя сказки, закончившаяся гибелью корабля и его экипажа, была очень близка по времени экспедиции, руководимой самим вельможей, так как именно корабль последнего и отвез потерпевшего кораблекрушение и его сокровища

¹⁷² Конец строки 183 папируса, состоящей из трех слов, пока оставяю без перевода, так как интерпретация его зависит от истолкования общего контекста и поэтому переводится по-разному В. С. Голенищевым и другими египтологами.

¹⁷³ Gardiner, *Eg. Gr.*, § 189, p. 143, ref. 9.

¹⁷⁴ Не могу согласиться с предложением В. С. Голенищева, что «сопровождающий воин» был недоволен наградой, данной ему царем. Повествование в сказке о награждении царем потерпевшего кораблекрушение не дает, как мне кажется, основания для подобного предположения (W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. 12—14).

с волшебного острова в Египет¹⁷⁵. Прибыв в столицу, потерпевший кораблекрушение первым отправился к царю и представил ему все ценные дары, посланные благодетельным драконом, властелином волшебного острова. Вознагражденный за это царем, он вернулся к вельможе и предложил ему в свою очередь явиться к фараону, а для подкрепления этого предложения он рассказал истинную историю того, что он пережил до момента прибытия к острову корабля вельможи¹⁷⁶. Изложив эти события, описав вкратце возвращение на родину и рассказав о приеме у царя, «сопровождающий (воин)» обращается к вельможе с просьбой выслушать его, столь много пережившего, ибо всегда «хорошо слушать людей». Затем следует фраза, которую я выше оставил частично без перевода¹⁷⁷, так как в отношении ее понимания имеются разногласия среди египтологов.

В. С. Голенищев данное предложение перевел следующим образом: «Он (т. е. царь) сказал мне: „[Ты поступил], как поступил бы мудрец, мой друг”»¹⁷⁸. Завершением сказки служит пословица: «разве дают воду птице на рассвете, когда ее хотят зарезать утром». Словами пословицы «сопровождающий (воин)», по мнению В. С. Голенищева, хотел сказать, что сле-

¹⁷⁵ W. S. Golénisheff, «Naufragé», p. 16—17.

¹⁷⁶ Конечно, потерпевший кораблекрушение должен был рассказать вельможе, взявшему его на свой корабль, о причине пребывания на острове среди «Великого Зеленого (моря)», как это требовалось методом изложения сказок. Вспомним хотя бы разъяснения, даваемые Синдбадом-мореходом своим избавителям от вынужденного пребывания на каком-нибудь острове, на который он попадал после своего очередного кораблекрушения. Но в данном случае египетский мореход, очевидно, не решился рассказать вельможе, возвращавшему его на родину, всю правду о своей неудачной экспедиции. Дело в том, что он, наверное, до некоторой степени нес вину за гибель предоставленного ему корабля. Действительно, вспомним, что в сказке два раза подчеркивается, что матросы его корабля «предсказывали бурю раньше, чем она наступала, и непогоду прежде, чем она разражалась» (строки 31—32 и 97—98 папируса). Поэтому естественно встает вопрос, как же они не почувствовали приближение роковой бури, погубившей корабль, и невольно возникает догадка, что команда предсказала бурю, но он, ее начальник, не внял их советам и не пристал вовремя к берегу. В таком случае понятно, почему потерпевший кораблекрушение боялся предстать перед вельможей, в подчинение к которому он попадал, неудачным руководителем, виновным в гибели доверенного ему корабля и его экипажа. Поэтому он поступил подобно Синухету, из боязни сказавшему правителю Верхнего Ретену неправду о причине своего пребывания в Кедеме. После же награждения царем потерпевший кораблекрушение решил своему начальнику рассказать всю правду о своей экспедиции и побудить тем самым его также предстать перед очи царя.

¹⁷⁷ См. сноску 176.

¹⁷⁸ W. S. Golénisheff, «Naufragé», p. 78.

дует ожидать от фараона еще дальнейших милостей, кроме тех, о которых он уже упоминал¹⁷⁹.

С этим объяснением В. С. Голенищева не согласились некоторые исследователи. В первую очередь не согласился принять его объяснение А. Эрман, с которым В. С. Голенищев был связан подлинно научным соревнованием в работе над проблемами грамматики и над интерпретацией вновь издаваемых литературных памятников. А. Эрман уже в 1906 г., непосредственно после опубликования В. С. Голенищевым иероглифической транскрипции, перевода и комментария текста эрмитажного папируса № 1115¹⁸⁰, выступил со своим истолкованием рамки, включавшей рассказ потерпевшего кораблекрушение. В ряде существенных пунктов толкование А. Эрмана расходится с мнением В. С. Голенищева¹⁸¹. Согласно А. Эрману, литературная рамка, облекавшая сказку, создавала для читателя следующую ситуацию: некий вельможа вернулся в Египет из не вполне успешной экспедиции в Нубию и боится поэтому предстать перед царем. Тогда старый, многоопытный воин, участник экспедиции, пытается успокоить своего начальника и советует ему побороть свои опасения и смело идти на прием к царю. Для укрепления своего совета воин рассказывает вельможе о своей злополучной экспедиции в «рудник царя», закончившейся гибелью корабля и его экипажа. Однако царь не покарал его, а, наоборот, наградил, когда он получил через воина чудесные дары благодетельного дракона, властелина острова, на который он (воин) был выброшен волнами моря. Но рассказ воина не успокоил вельможу, и, согласно А. Эрману, вельможа, а не царь, как полагал В. С. Голенищев, говорит слова, переведенные, как мы выше видели, русским египтологом следующим образом: «[Ты поступил], как поступил бы мудрец, мой друг». А. Эрман предложил для этих слов иной перевод: «Не разгрывай из себя превосходного, мой друг»¹⁸². Пословицу, закан-

¹⁷⁹ Правда, В. С. Голенищев, как я уже указал выше, предположил, что «сопровождающий (воин)» был недоволен царскими наградами и обратился к вельможе с просьбой ходатайствовать перед царем о дальнейших милостях для него, «сопровождающего (воина)». Но и при таком понимании просьбы «сопровождающего (воина)», с которым, как уже было указано, я не согласен, приведенная пословица сохраняет тот смысл, который вложил в нее В. С. Голенищев («Naufragé», р. XV).

¹⁸⁰ RT, t. 28, 1906, p. 1 f.

¹⁸¹ ZAS, Bd 43, 1906, S. 1; A. Erman, *Literatur...*, S. 56.

¹⁸² А. Эрман в своем переводе сказки сомневался в предложенном им варианте, поэтому в примечании, которое должно разъяснить читателю смысл переведенной им фразы «не желай быть слишком разумным», он ставит вопросительный знак (A. Erman, *Literatur...*, S. 63).

чивающую сказку и переведенную им «кто же дает рано еще воду птице, которую он резать будет утром», по А. Эрману, говорил также вельможа, и смысл ее сводился в данном контексте, по его мнению, к тому, что царь теперь не сделает ему (вельможе) ничего хорошего, так как он хочет посягать на его жизнь¹⁸³.

К истолкованию А. Эрманом рамки, включающей в себя сказку о потерпевшем кораблекрушение, примкнули и другие авторитетные египтологи¹⁸⁴, но, несмотря на это, у меня сильнейшее сомнение в возможности безоговорочного признания остроумного построения А. Эрмана.

Дело в том, что его сложная теория требовала понимания фразы в строках 183—184 папируса, начинающейся словами «он сказал мне», как ответа самого вельможи «сопровождающему (воину)», а не как продолжения речи последнего. С подобным толкованием указанной фразы я никак не могу согласиться: ведь на самом деле в данном контексте подлежащим предложению «он сказал мне» может быть только «царь», который выступает действующим лицом в предшествующем тексте: царь поблагодарил¹⁸⁵ перед собранием сановников всей страны потерпевшего кораблекрушение, и последний был благодаря его царскому постановлению назначен «сопровождающим (воинном)» и одарен царскими рабами¹⁸⁶. Затем потерпевший кораблекрушение обращается к вельможе со следующими словами: «смотри на меня после того, как я пристал к земле, (и) увидал,

¹⁸³ А. Erman, *Literatur...*, S. 63, note 2.

¹⁸⁴ ZAS, Bd 44, 1907, S. 81; G. Roeder, *Altägyptische Erzählungen und Märchen*, Leipzig, 1927, S. 17.—Б. А. Тураев, кажется, сомневался в истолковании А. Эрманом литературной рамки этой сказки. На это предположение наводит меня формулировка Б. А. Тураевым результатов исследования А. Эрманом сказки Эрмитажного собрания: «Эрман усматривает даже искусно придуманную рамку, в которую вставлен рассказ». В своем переводе сказки Б. А. Тураев не интерпретирует те части текста, на основании которых А. Эрман воздвигает свою теорию о рамке сказки (Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 257—259).

¹⁸⁵ Царь выступает в нашей сказке как рядовой персонаж, без характерного для фараона обращения «Его Величество», которое применяется по отношению к нему в сказках, сохранивших историческую традицию, как, например, в сказках папируса Весткар (А. Erman, *Literatur...*). Эрмитажная сказка является по существу своему подлинной народной сказкой, в которой действующие лица не имеют собственных имен, а указывается лишь их социальное положение, как «сопровождающий воин», «вельможа», «фараон», которые соответствуют «солдату», «барину», «царю» наших народных сказок.

¹⁸⁶ В строке 179 папируса говорится о «рабах (головах) его», т. е., очевидно, царя.

что я испытал»¹⁸⁷. Непосредственно за этим обращением следует фраза, начинающаяся словами «он сказал мне». Вполне естественно, что при наличии такого контекста только царь мог быть тем лицом, который что-то сказал «сопровождающему (воину)». Прийти к другому выводу можно, лишь предположив опisku и путем замены в данной фразе сказки записанного текста «он сказал мне» текстом «он сказал ему». Но необходимо отметить, что описка вряд ли допустима в столь тщательно написанном манускрипте, каким является сказка о потерпевшем кораблекрушение¹⁸⁸. Кроме того, надлежит указать, что в данном случае можно предположить более серьезную опisku, нежели замена одного местоименного суффикса другим. Дело в том, что «вельможа», упомянутый в строке 2 текста сказки в качестве лица, к которому обращался «сопровождающий (воин)», не мог быть назван без какого-либо разъяснения в конце текста, в строке 183 его, лишь через суффикс 3-го лица м. р. — «он».

Несомненно, в изложении таких литературных произведений, как сказки, всякое новое действующее лицо должно быть введено, во избежание недоразумения у читателя или слушателя, не путем указания одного лишь личного местоимения; а путем приведения его имени или термина, определяющего его социальное положение¹⁸⁹. Следовательно, при истолковании

¹⁸⁷ А. Эрман считает, что в последнем предложении потерпевший кораблекрушение призывает своего начальника убедиться в его благополучии после приема у царя, несмотря на гибель доверенного ему корабля и его экипажа (А. Erman, *Literatur...*, S. 62, note 4). В связи с этим надлежит отметить, что приведенное мной обращение потерпевшего кораблекрушение к вельможе говорит определенно за то, что герой сказки только что пристал к земле и только что был принят царем. Действительно, лишь в таком случае имеет смысл призыв «сопровождающего (воина)» к своему начальнику посмотреть на него, приставшего к земле и видавшего испытанное им. Если бы данные события были отделены годами от экспедиции самого вельможи, то «сопровождающий (воин)» не отметил бы в своем обращении «приставание к земле», которое неоднократно имело место в его жизни.

¹⁸⁸ В тех случаях, когда А. Эрман предполагал описки в тексте сказки Эрмитажного собрания, как, например, в строках 138 и 143, В. С. Голенищев находил возможным получать хороший смысл из текста указанных строк, не подвергнув его какому-либо исправлению (см. А. Erman, *Literatur...*, S. 61; W. S. Golénisheff, *Le papyrus à 1115 de l'Ermitage Impérial de Saint-Petersbourg*, p. 9).

¹⁸⁹ В рассказе Синухета данная закономерность наблюдается на всем протяжении этого обширного памятника. Нельзя не отметить, что Г. Редер, следующий в понимании рамки сказки о потерпевшем кораблекрушение за А. Эрманом, считал нужным дать конец сказки под следующим заголовком: «Вельможа признает добрую волю своего воина» (см. G. Røder, *Allägyptische Erzählungen und Märchen*, S. 22).

А. Эрманом указанной фразы сказки она должна была гласить: «вельможа сказал ему», а не «он сказал ему». Кроме этого затруднения при понимании А. Эрманом конца сказки, я вижу еще одно препятствие на пути признания толкования, предложенного А. Эрманом для многострадальной фразы сказки «он сказал мне». Дело в том, что пресловутое предложение при его толковании полностью выпадало из системы прочего изложения сказки. Последняя, как было выше сказано, начинается словами: «сказал почтенный сопровождающий (воин)», а затем он рассказывает фантастическую повесть, передавая ее от первого лица. Затем «сопровождающий (воин)» снова обращается к вельможе, и это обращение, как и первое, дано в форме прямой речи. Непосредственно следующая за вторым обращением к вельможе фраза «он сказал мне» должна быть, следовательно, продолжением обращения, переданного в прямой речи того же «сопровождающего (воина)» к вельможе, а не началом выступления нового действующего лица, ибо в таком случае было бы неуместным в качестве дополнения местоимение 1-го лица.

Таким образом, в результате анализа построения сказки о потерпевшем кораблекрушение можно считать обоснованным положение, что ни подлежащее, ни дополнение фразы «он сказал мне» не могут быть согласованы с тем толкованием, которое было предложено этой фразе А. Эрманом. Поэтому я и решаюсь признать закономерность истолкования В. С. Голенищевым указанной фразы, которое вместе с тем дает прекрасный смысл концу сказки и всему ее содержанию. На самом деле перевод В. С. Голенищева «он (т. е. царь) сказал мне: (ты поступил), как поступает почтенный», дает основание предположению, что этими словами потерпевший кораблекрушение указывал вельможе на то, что царь его назначил не только «сопровождающим (воином)», но и «почтенным сопровождающим (воином)», каковым он выступает и в самом начале сказки: «Сказал почтенный сопровождающий (воин)»¹⁹⁰. Указанием на дарование царем столь почетного титула «сопровождающий (воин)» хотел окончательно рассеять опасения вельможи, ибо «разве дают воду птице на рассвете, когда ее хотят резать утром». Присуждение царем титула «почтенный» вкупе с его прочими милостями являлось, по мнению потерпевшего кораблекрушение, признаком благорасположения фараона не только по отношению к нему самому, но и по отношению к вельможе, который привез его, заброшенного волнами моря на

¹⁹⁰ Я полагаю, что во фразе «m ir ikt» сохранилась усеченная формулровка присуждения фараоном какого-нибудь титула сложной иерархии Египта.

остров дракона, с сокровищами острова в столицу, к царю. Слова же приведенной поговорки должны были, по мысли «сопровождающего (воина)», содействовать осознанию вельможей невозможности подобных милостей со стороны царя, если бы последний имел намерение казнить вельможу за какой-то проступок, допущенный им во время собственной экспедиции. Наверное, в последних словах потерпевшего кораблекрушение скрывался намек на то, что судьбы его и вельможи связаны между собой, так как и он сам в течение двух месяцев принимал участие в экспедиции вельможи.

Таким образом, понимание В. С. Голенищевым рамки сказки о потерпевшем кораблекрушение объединяет ее в одно органическое целое в основном рассказом о приключениях морехода на волшебном острове среди моря и делает понятным выделение этого фантастического рассказа из состава большой повести о приключениях, имевших место во время экспедиции по Нилу и на море. Очевидно, повесть в своем первоначальном виде начиналась с рассказа вельможи воину, потерпевшему кораблекрушение, о том проступке, который он допустил во время своей экспедиции. В результате совещания они решили, что первым высадится потерпевший кораблекрушение, чтобы немедленно предстать перед царем с ценными дарами, привезенными с волшебного острова, и тем самым вызвать его благорасположение. Расчет оказался правильным, и почтенный «сопровождающий (воин)», каковым был назначен царем потерпевший кораблекрушение, сказал вельможе об удаче своей миссии. Надо полагать, что первая часть приключенческой повести, содержащая рассказ вельможи о своих злоключениях, была лишена фантастического вымысла, а потому какой-то читатель повести, любитель мотивов и сюжетов волшебных сказок, решил переписать для себя лишь ее конец, содержащий «убедительный живой рассказ» о фантастических приключениях морехода на волшебном острове, над которым властвовал страшный на вид, но благодетельный дракон. Первая же часть повести, которая, как я полагаю, была свободна от фантастического элемента, не могла, очевидно, выдержать конкуренции с реалистической повестью о приключениях Синухета¹⁹¹ в степях Сирии, далеко за пределами цивилизованного Египта, ставшей равно одной из любимейших книг общества древнего Египта и являющейся первой известной нам робинзонадой во всемирной литературе¹⁹².

¹⁹¹ Б. А. Тураев называет рассказ Синухета «живым реалистическим романом» (Б. А. Тураев, *Египетская литература*, т. I, стр. 83).

¹⁹² Уровень производительных сил общества древнего Египта был не настолько высоким, чтобы могло зародиться литературное произведение.

Если в научном соревновании между В. С. Голенищевым и А. Эрманом при истолковании литературной рамки сказки о потерпевшем кораблекрушение следует признать преимущество интерпретации, предложенной русским египтологом, то в деле исследования другого, открытого В. С. Голенищевым, литературного памятника результат был несколько иным. Речь идет о труде над воссозданием сохранившегося в отдельных разрозненных кусках иератического папируса, транскрибированного и переведенного В. С. Голенищевым в 1899 г. и содержащего отчет финансового храмового служащего Уну-Амона о своем путешествии в Финикию в XI в. до н. э.¹⁹³ В данном случае следует признать, что при уяснении содержания фрагментированного папируса наблюдения, сделанные А. Эрманом в 1900 г., внесли существенное исправление в то понимание последовательности описанных в папирусе событий, которое до него было предложено В. С. Голенищевым¹⁹⁴.

Дело в том, что А. Эрман локализовал вполне закономерно заготовку строевого леса, описанную во втором, хорошо сохранившемся столбце папируса, в финикийском городе Библа, игравшем роль Архангельска в мире древнего Ближнего Востока. В. С. Голенищев же, не находя в окружающем контексте упоминания Библа, решил, что все действия, о которых рассказывает основное содержание второго столбца, имели место в городе Доре народа Тсакара, народа, родственного филистимлянам¹⁹⁵.

О прибытии Уну-Амона в Дор и о пережитых им здесь злоключениях повествует начальный фрагмент I столбца начиная с 8-й строки. В Доре с Уну-Амоном произошла очень большая неприятность: один из матросов его корабля бежал с золотом и серебром, полученным им от властителей Египта для

о борьбе одинокого человека против сил природы. Поэтому тогда создавались лишь такие «робинзонады», которые повествовали о приключениях и злоключениях представителя цивилизованного общества, попавшего волею судеб в условия нецивилизованного, т. е. доклассового, общества. В данном случае речь идет о переживаниях египтянина среди кочевых племен степей Сирии. Подобные «робинзонады» знает европейская литература и в XIX в.

¹⁹³ См. упомянутые мной (сноска 41) два исследования В. С. Голенищева, посвященные приобретенному им папирусу о приключениях Уну-Амона. При решении вопроса, стоящего сейчас передо мной, существенной является лишь вторая из его работ (RT, t. 21, 1899, p. 74—102), так как она наряду с переводом дает тщательную иероглифическую транскрипцию иератического текста папируса.

¹⁹⁴ ZAS, Bd 38, 1930 (S. 1); A. Erman, *Literatur...*, S. 225.

¹⁹⁵ См. W. Strouve, *Das Volk der T; -K; -R;* — «Яфетический сборник», VI, Л., 1930, стр. 94—99.

оплаты того строевого леса, который должен был быть привезен в Фивы из Финикии. Уну-Амон потребовал от царька Дора возвращения похищенных ценностей, но тот отказался признать справедливость подобного требования, так как вором являлся матрос с корабля самого Уну-Амона.

Начальный фрагмент I столбца папируса заканчивается указанием, что Уну-Амон после десяти дней пребывания в гавани Дора вновь отправился на переговоры с царьком города. Фрагмент же папируса, соответствующий концу его I столбца, начинается словами: «Я провел 19 дней в его гавани, и он все время, ежедневно, посылал ко мне требование: „Удались из моей гавани!“». При подобном контексте было вполне естественно со стороны первоиздателя предположить, что начало фрагмента папируса (соответствующего концу его I столбца) являлось продолжением эпизода о посещении Уну-Амоном царька Дора после девятнадцатидневного пребывания в его гавани. Поэтому В. С. Голенищев, преодолевая трудности, стоящие перед создателем *edito princeps* фрагментированного литературного памятника, не обратил должного внимания на возможность включения в состав изношенного временем I столбца папируса и того обрывка, который был им назван «III (или IV?) столбцом» издаваемого текста.

Внешний вид данного обрывка папируса, казалось, полностью подтверждал мнение В. С. Голенищева, который определил его как новый столбец рассказа Уну-Амона о своих злоключениях в Финикии. Дело в том, что верх обрывка имеет вид верхушки столбца папируса, закрепленной защитной полоской¹⁹⁶.

А. Эрман тем не менее критически отнесся к восстановлению В. С. Голенищевым содержания фрагментированного папируса и постулировал, как я выше указал, среди событий, описываемых в папирусе, также факт пребывания Уну-Амона в Библе, ибо только там можно было приобрести тот строевой лес, который был необходим для сооружения священной ладьи бога — покровителя стовратых Фив. Опираясь на данное наблюдение, А. Эрман и мог предположить, что фрагмент папируса, определенный В. С. Голенищевым в качестве III или IV столб-

¹⁹⁶ Указав на включение А. Эрманом указанного отрывка в середину I столбца, между отрывками начала и конца его, А. Гардинер отмечает: «Против этого мнения выдвигается факт, что верх III столбца выглядит подобно верху столбца с защитной полоской». Затем А. Гардинер упоминает об изучении фотографий папируса известным папирусоведом К. Ибшером, но об этом я буду говорить ниже (А. Н. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, p. 63).

ца его, должен быть включен в состав I столбца, так как в нем упоминается о прибытии египтянина Уну-Амона к царьку Библи Тсакарваалу¹⁹⁷. Впоследствии советский египтолог И. М. Лурье на основании оригинала, а затем А. Гардинер по просьбе последнего и К. Ибшер на основании фотографии пришли к выводу, что так называемый III или IV столбец является не верхней полоской нового столбца папируса, а одной из средних полосок, которая отклеилась от большого папирусного листа.

Таким образом было устранено препятствие, затруднявшее предложенное А. Эрманом включение обрывка, названного В. С. Голенищевым III столбцом, в состав I столбца изданного папируса. Вместе с тем И. М. Лурье и А. Гардинер в качестве египтологов, а К. Ибшер в качестве папирусоведа пошли в своем восстановлении I столбца дальше, нежели А. Эрман. Они предположили, что указанный обрывок не только входил в состав I столбца, но непосредственно примыкал к начальному фрагменту I столбца, а к нему самому в свою очередь непосредственно примыкал фрагмент конца I столбца. Что же касается узкого язычка, примыкавшего снизу к последней, несколько пострадавшей строке начального фрагмента I столбца и содержащего отдельные знаки четырех последующих строк, то он заполняет, по мнению трех указанных исследователей, как с точки зрения филологической, так и с точки зрения папирусоведения лауну в левой части обрывка, упоминающего о прибытии Уну-Амона в Библ¹⁹⁸. Результатом всех перечисленных предположений является полное восстановление I столбца, который в таком случае включает 59 строк сплошного текста¹⁹⁹.

¹⁹⁷ А. Erman, *Literatur...*, S. 228.

¹⁹⁸ См. А. Н. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, p. 63. См. также его предисловие к данному изданию, в котором подчеркивается приоритет И. М. Лурье в данном установлении (*Ibid.*, p. 11).

¹⁹⁹ У А. Гардинера дан подсчет строк восстановленного I столбца (А. Н. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, p. 63). Я полностью признаю непоколебимый авторитет К. Ибшера в области папирусоведения, и если тем не менее я решаюсь высказать мои сомнения в правильности предложенной им реконструкции I столбца папируса, то лишь потому, что он пришел к этому выводу на основании изучения фотографий, а не на основании работы над самой древней рукописью. Изучение же фотографии, хотя бы и самое тщательное, не может заменить исследование самого папируса. Так, А. Гардинер, являющийся лучшим чтецом иератических папирусов, не мог установить на основании фотографии, что остаток знака в строке 23 I столбца отчасти закрыт кусочком загнувшегося папируса. Это наблюдение сделал М. А. Коростовцев, работая над самим папирусом. Не мог также А. Гардинер установить на основании фотографий, что в знаке:

Несмотря на всю заманчивость предложенного восстановления I столбца папируса, содержащего отчет Уну-Амона, оно вызывает у меня некоторое сомнение, обусловленное рядом моментов, первый из которых отмечается до некоторой степени и одним из трех авторов восстановления, а именно А. Гардинером. Дело в том, что в результате присоединения к последней строке начального фрагмента I столбца сохранившихся знаков на левой стороне первой строки обрывка, свидетельствующего о пребывании Уну-Амона в Библе, получается необычайно написание слова *jm* — «море» без предшествующего определенного артикля *ꜣ*. Подобное написание указанного слова пока не засвидетельствовано в текстах Нового царства. Так и в папирусе о путешествии Уну-Амона, в котором оно встречается неоднократно в бесспорном контексте²⁰⁰. Это слово пишется всегда с определенным артиклем²⁰¹. Указанное восстановление I столбца связано в данном месте еще и с той трудностью, что перед словом «море» (*jm*) отсутствует не только определенный артикль, но также и указывающий на направление предлог, так как в непосредственно предшествующем тексте строки 23 начального фрагмента I столбца речь идет об «идуших».

Как я уже выше указал, А. Гардинер обратил внимание на затруднение, обусловленное необходимостью допущения столь необычного написания слова *jm* «море»²⁰², и он определяет это затруднение как «реальную трудность на пути реконструкции

конца третьей строки обрывка (названного В. С. Голенищевым III столбцом), автографированного им к указанной строке, правая из верхних его черточек соответствует лишь дыре в папирусе (*Ibid.*, p. 63 a, ref. d.).

²⁰⁰ См. перечисление упоминаний слов «*jm*» — «море» в папирусе, причем я следую ради удобства пагинации В. С. Голенищева: 1,8; x+13; x+14; x+21; II, 14; 18—19; 24; 44; 50; 62; 63; 74; 80; III, 11.

²⁰¹ См. перечисление упоминаний слова «*jm*» — «море», данное во второй части работы М. Бурхардта (M. Burchardt, *Die altkanaanäischen Fremdwörter und Eigennamen im Aegyptischen*, Leipzig, 1909, № 216; Wb. I, Belegsiellan, S. 78 11.). Определенный артикль предшествовал всегда слову «море», потому, что последнее, подобно небу и солнцу, всем известно (A. Erman, *Neuaegyptische Grammatik*, Leipzig, 1933, S. 77, § 176).

²⁰² А. Гардинер говорит по поводу написания слова «*jm*» — «море» в строке 23 I столбца без определенного артикля следующей фразе: «Это очень странно, что определенный артикль отсутствовал, но это может быть объяснено фразой „*šm r jm*“, „go to sea“, и надлежит, однако, доказать наличие подобной конструкции в египетском языке, поскольку в родственном английскому немецкому языку такая конструкция не существует». Да и сам А. Гардинер, очевидно, не считал «странность» отсутствия определенного артикля перед словом «море» устраненной в результате своего предположения и определяет в непосредственно следующей фразе примечания столь необычное написание слова «моря» как «реальную трудность» с точки зрения филологии (A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, p. 63a, ref. d.).

К. Ибшера с филологической стороны»²⁰³. Правда, по мнению А. Гардинера, данная «реальная трудность» является единственной на пути признания восстановления I столбца тремя названными учеными. Тем не менее я полагаю, что имеются и другие затруднения на этом пути реконструкции I столбца папируса. Первое из них я усматриваю в остатке знака, сохранившегося в почти целиком разрушенной левой части строки 23 I столбца. Этот знак А. Гарднер готов определить как верхнюю часть буквы j, следующей непосредственно за фрагментированным словом jm — «море» в строке 1 обрывка, в котором В. С. Голенищев видел начало III столбца папируса²⁰⁴. Но данное предположение не подтверждается моими измерениями, произведенными над самим папирусом. Они приводят к выводу, что след знака должен быть локализован не над буквой j в левой части строки 1 обрывка, а над вполне сохранившимся знаком на $\frac{3}{4}$ см левее. Невозможность же помещения следа знака строки 23 I столбца в строке 1 обрывка противоречит разбираемой мной реконструкции I столбца. Для последней я нахожу дальнейшее затруднение в несомненном письменном знаке в виде горизонтальной черточки, соответствующей, вероятно, букве n в первой строке III столбца (согласно пагинации В. С. Голенищева), сохранившейся непосредственно направо от большой лакуны. Как это ни странно, но на этот знак не было обращено никакого внимания, хотя он, наверное, должен быть отнесен к первой строке обрывка. Правда, этот знак находится на несколько более низком уровне, нежели иератические знаки левой части первой строки, но правую сторону строк 1 и 2 III столбца следует так же поднять, как и правую сторону первых двух строк I столбца. Если же указанный письменный знак действительно относится к строке 1 обрывка, названного В. С. Голенищевым III столбцом, то эта строка 1 обрывка не может быть присоединена к строке 23 I столбца, так как в последней на данном месте никакой лишний знак не может быть вмещен.

Имеются налицо и определенные препятствия для признания обязательной локализации групп письменных знаков, сохранившихся на указанном выше язычке, который примыкает

²⁰³ См. сноску 204.

²⁰⁴ «Верхушка» этого «j» кажется видимой в 1423 строках, но вследствие плохого монтирования III столбца на основании фотографии в этом нельзя быть уверенным (А. Н. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, p. 63a, ref.). М. А. Коростовцев указал мне на данное примечание А. Гардинера и на затруднение из-за невозможности локализации следа знака в конце строки 1 III столбца.

снизу к строке 23 начального фрагмента I столбца. Как я уже отметил, было предположено, что данные группы знаков, относящиеся к строкам 24, 25, 26 и 27 начального фрагмента, должны быть включены в лауну на левой стороне злополучного обрывка во 2, 3, 4 и 5-й его строках. Лично у меня и данная реконструкция фрагментированного I столбца папируса вызывает некоторые сомнения. Так, я не могу признать обязательным включение группы знаков, сохранившихся от строки 24 начального фрагмента I столбца, в текст строки 2 обрывка, объявленного В. С. Голенищевым остатком III столбца папируса. Включение указанной группы, правда, вполне возможно в текст строки 2 обрывка, но при этом необходимо учесть чрезвычайно плохую сохранность этой строки, которая допускает возможность включать в ее текст с одинаковым успехом любую группу знаков²⁰⁵.

В вопросе о возможности включения в текст строки 3 обрывка группы знаков, оставшихся от строки 25 I столбца, дело обстоит иначе. В данном случае, как мне кажется, помещению указанной группы знаков в лауну третьей строки обрывка препятствует узенькая полоска, выступающая в лауну из правой стороны строки²⁰⁶. Не могу я также согласиться с включением группы знаков, сохранившихся от следующей, 26-й строки I столбца, в текст строки 4 обрывка. Дело в том, что, по моему мнению, здесь при данном состоянии сохранности обрывка никак не может быть помещена группа знаков ḥr', оставшаяся от строки 26 I столбца. Не только я не усматриваю подобной возможности, но ее не усматривали и В. С. Голенищев на основании изучения самой рукописи и А. Эрман на основании фотографии, ибо они транскрибировали в данном месте

²⁰⁵ В реконструкции второй строки обрывка, данной А. Гардинером, группа знаков остатка строки 24 начального фрагмента I столбца окружена с обеих сторон значительными лаунами (Ibid., p. 7—8, 63).

²⁰⁶ Действительно, я не вижу никакой возможности при наличии выступающей вправо в лауну узенькой полоски поместить группу знаков строки 25 I столбца «l w.k mḥ m». Надлежит отметить, что в схематическом рисунке А. Гардинера обрывка, определенного В. С. Голенищевым частью III столбца, отсутствует в лауне указанная узенькая полоска. Вместе с тем я должен подчеркнуть, что лауна, отмеченная в указанном схематическом рисунке и для строк 4 и 5 III столбца, не устанавливается мной ни на основании фотографии, ни на основании изучения самого папируса. Я лично не нахожу здесь в рукописи продолжения лакуны, разрывающей строки 1, 2 и 3 обрывка. В связи с транскрипцией А. Гардинера второй строки язычка у меня возникают сомнения в правильности интерпретации им полуразрушенного знака, следующего за группой «l w. k». А. Гардинер восстановил его как знак «mḥ», я же вижу в нем остаток знака «šd» (Ibid., p. 63).

текст строки 4 обрывка следующим образом: wh[;h]n;jw...²⁰⁷. Если оба названных ученых читали в тексте строки 4 обрывка группу п; , то, очевидно, для группы строки 26 I столбца нет места²⁰⁸. Если же данное мое наблюдение, подкрепленное чтением В. С. Голенищева и А. Эрмана, является правильным, то становится сомнительной и возможность помещения группы знаков строки 27 I столбца в тексте строки 5 обрывка. На самом деле, ведь состояние сохранности обрывка здесь то же, что и в 4-й его строке, а поэтому оно также не допускает перенесения сюда группы знаков сꜥ, сохранившейся от погибшей строки 27 I столбца²⁰⁹. Что же касается возможности непосредственного присоединения ничтожного остатка погибшей строки 14 обрывка к сохранившейся части строки 1 большого фрагмента конца I столбца, то подобное восстановление вряд ли может быть признано обязательным, если мы примем во внимание почти полное разрушение одного из компонентов²¹⁰. Надлежит указать еще на один момент, который, казалось бы, говорит против предложенной реконструкции I столбца, а именно: то небольшое сравнительно количество строк I столбца, которое получается в результате подобной реконструкции. Действительно, 83 строкам II столбца противостоят только 59 строк восстановленного I столбца. Правда, верхняя часть I столбца, соответствующая по размеру примерно пяти строкам, оставалась свободной от текста, и в первой части столбца письменные знаки были расположены более просторно, но и при должном учете этих двух моментов разница в количестве строк между двумя столбцами остается слишком значительной²¹¹.

²⁰⁷ W. S. Golénisheff, *Papyrus hiératique de la collection W. Golénisheff, contenant la description du voyage de l'égyptien Ounou-Amon en Phénicie*, p. 110; A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, p. 63a, line 4, ref.

²⁰⁸ Правда, А. Гардинер (*Late-Egyptian Stories*, p. 63a, line 4, ref.) не согласен с чтением «п» В. С. Голенищева и А. Эрмана, аргументируя тем, что «фото III столбца показывает только один пробел, который теперь заполняется группой „р;“ строки 26 I столбца». Я лично должен заявить, что на той фотографии, которая в моем распоряжении, я не вижу пробела, где можно было бы поместить указанную группу. Не вижу я здесь пробела и на самом папирусе.

²⁰⁹ Правда, А. Гардинер утверждает, что «сꜥ» здесь удивительно хорошо прилаживается, но я лично, вглядываясь в состояние сохранности обрывка, не могу найти здесь места для включения группы «сꜥ» (*Ibid.*, p. 63 a, line 5, ref.).

²¹⁰ А. Гардинер (*Ibid.*, p. 64) в подстрочном примечании высказывает предположение о связи двух крошечных следов знаков на лоскутах, сохранившихся от истерзанной строки 14 I столбца. Подобное предположение вполне допустимо, но возможно и любое другое предположение.

²¹¹ Она могла быть допустимой, если бы II столбец был последним в папирусе, но II столбец обрывает повествование о злоключениях Уну-Амона на полуслове.

Я, конечно, не рассматриваю как решающие все мои замечания об остроумной и заманчивой реконструкции I столбца этого замечательного папируса, предложенной И. М. Лурье, А. Гардинером и К. Ибшером. Они, несомненно, требуют тщательной проверки путем нового исследования не фотографий, а самой древней рукописи как с точки зрения египтологической, так и с точки зрения папирусоведческой. Мне кажется, что надлежит с максимальной тщательностью изучить verso упомянутого выше «язычка», примыкающего снизу к строке 23 I столбца. Дело в том, что на оборотной стороне «язычка» лежит узенькая полоска, очевидно, являющаяся частицей «язычка». Окантовщик I столбца, не заметив загнувшейся частицы «язычка», закрепил ее в этом положении. Если же она будет снята с verso «язычка» и будет положена рядом с ним, то, возможно, решение вопроса о реконструкции I столбца папируса с путешествии Уну-Амона продвинется значительно вперед. Имеются еще и другие вопросы, связанные с реконструкцией древнеегипетской рукописи, повествующей о злоключениях египтянина в Финикии XI в. до н. э., и я, высказывая свои сомнения, надеюсь, что советские египтологи, работающие над исследованием литературного памятника древнего Египта, открытого и впервые интерпретированного русским ученым, рассеют все сомнения, связанные с проблемой его восстановления²¹².

Вместе с тем я решился выступить со своими предположениями еще потому, что в некоторых из них готов был видеть стражение тех предположений, которые заставили В. С. Голенищева в свое время определить обрывок папируса с упоминанием о пребывании Уну-Амона в Библие не в качестве части I столбца, а в качестве III или даже IV столбца. Правда, мы можем лишь догадываться о предположениях, побудивших его дать то восстановление фрагментированной рукописи, которое мы находим в его издании папируса 1899 г. Стремясь как можно скорее ввести в научный оборот новый ценный источник, В. С. Голенищев ограничился кратким введением, иероглифической транскрипцией и переводом текста, а поэтому он не аргументировал и не разъяснял своего построения содержания издаваемого им фрагментированного папируса. Но есть все основания догадываться, что, согласно предположению В. С. Голенищева, прибытие Уну-Амона в страну «Араса»²¹³ отнюдь

²¹² Над исчерпывающим, всесторонним изданием папируса о путешествии Уну-Амона работает М. А. Коростовцев.

²¹³ Я не буду останавливаться здесь на рассмотрении вопроса о локализации страны «Араса», которую в настоящее время большинство исследователей отождествляет с Кипром.

не означало для него конца его испытаниям, но было связано с началом новой цепи драматических событий. Действительно, лишь при таком предположении В. С. Голенищев мог допустить возможность, что обрывок папируса, упоминающий с прибытием Уну-Амона в Библ, является частью даже IV столбца издаваемого им литературного памятника.

Я полагаю, что предположение В. С. Голенищева о возможности столь большого объема повествования о приключениях Уну-Амона, последовавших за прибытием его в страну Араса, заслуживает серьезного внимания. Содержание конца II столбца, несомненно, подкрепляет толкование В. С. Голенищева о многочисленных превратностях, которые еще предстояли Уну-Амону и после приобретения строевого леса для священной ладьи Амона, что являлось единственной целью его путешествия в Финикию. На самом деле, II столбец, начиная со строки 62, повествует об опасностях, возникших для Уну-Амона в связи с прибытием в Библ одиннадцати кораблей враждебных ему людей Тсакара. Последние потребовали от царька Библа выдачи ненавистного им египтянина, но тот отказался выдать посла бога Амона, предложив им захватить Уну-Амона после того, как он оставит гавань Библа. Люди Тсакара, приняв предложение правителя Библа, вышли в море, и здесь, очевидно, их корабли были пригнаны к стране Араса тем же ветром, который несколько позднее прибил туда и корабль Уну-Амона. Прибыв в страну Араса, люди Тсакара, конечно, восстановили против Уну-Амона местное население, которое поэтому и хотело казнить высадившегося с корабля Уну-Амона. От немедленной смерти спасло последнего лишь заступничество царицы страны, предложившей ему провести спокойно ночь. На этом заканчивается II столбец папируса. Надо полагать, что на следующий день имело место расследование перед царицей того дела, которое заставляло людей Тсакара искать гибели Уну-Амона. Сам злостастный египетский Одиссей потребовал разбирательства, подобного судебному, когда он начал свое обращение о помощи к царице страны Араса следующими словами: «Я (сам) слышал (повсюду) вплоть до „города“ (т. е. Фив, местопребывания Амона), что творится ложь во всяком городе, но творится правда в стране Араса, а разве все же и здесь творится ложь»²¹⁴.

Расследование этого серьезного дела в стране Араса, славившейся своим праведным судом, не могло не требовать двустороннего обсуждения, и, следовательно, на суде должно было

²¹⁴ Столбец II, строки 78—79 папируса.

иметь место выступление людей Тсакара, с одной стороны, и выступление Уну-Амона — с другой. Люди Тсакара, прибывшие раньше в страну Араса, выступили, надо полагать, первыми на суде, и их изложение дела, а также описание самого суда должно было занять некоторое количество строк начала III столбца. Сохранившийся же текст обрывка папируса повествует о приключениях Уну-Амона в самой Финикии и о прибытии в Библ, и он поэтому может быть включен в I столбец, но может быть также включен и в текст III столбца, являясь здесь частью выступления Уну-Амона на суде в стране Араса. Естественно, что в этом выступлении он снова должен был повторить рассказ о своих злоключениях так же, как это сделал в разобранной выше сказке мореход, выброшенный на волшебный остров, по требованию дракона, владыки острова.

Если можно согласиться с данным восстановлением содержания III столбца папируса, то следует признать до некоторой степени возможным и предположение В. С. Голенищева об определении этого обрывка в качестве части III столбца издаваемого им фрагментированного папируса. Его ошибка в таком случае сводилась лишь к тому, что он не учел необходимости локализации приобретения строевого леса Уну-Амоном в Библие и не осознал, что поэтому в I столбце папируса должно было быть упоминание о прибытии посла Амона в знаменитый центр торговли лесными богатствами Ливана. А. Эрман, как уже говорилось выше, учел данный момент и поэтому включил обрывок, упоминающий о прибытии Уну-Амона в гавань Библи, в I столбец, между фрагментами начала и конца его. Но А. Эрман в свою очередь, так же как и три исследователя, стремившиеся уточнить его реконструкцию I столбца, не учел возможности того, что рассказ о злоключениях посла Амона в Доре, а затем в Финикии мог быть повторен в повествовании о событиях, связанных с пребыванием его в стране Араса.

Подводя итог всему сказанному мной по вопросу о реконструкции фрагментированного папируса, содержащего отчет о путешествии египтянина Уну-Амона в Финикию, я имею право утверждать, что результаты исследования В. С. Голенищева и этого изданного им литературного памятника должны быть учтены теми, кто изучает и еще будет изучать этот драгоценный для историка источник. Его предположение о потере нескольких столбцов папируса с повествованием о дальнейших приключениях Уну-Амона в Азии является весьма вероятным, и это заставляет нас вместе с Б. А. Тураевым «особенно сожалеть о том, что он дошел до нас не в полном виде»²¹⁵.

²¹⁵ Б. А. Тураев, *Египетская литература*, т. I, стр. 199.

Наряду с проблемами, связанными с изучением столь близких его сердцу литературных памятников Египта, В. С. Голенищев ставил перед собой и те вопросы, решение которых являлось существенным для построения древней истории Египта. В этой области он также имел достижения, обеспечившие ему благодарность исследователей истории и культуры Египта. В первую очередь надлежит отметить его успехи в деле определения эпохи, породившей замечательные памятники египетской культуры.

Так, В. С. Голенищеву принадлежала несомненная заслуга подкрепления весьма убедительным аргументом доказательства ряда ученых о довольно поздней датировке (а именно римской эпохой) происхождения знаменитых фаюмских портретов, которые торговцы древностей ради повышения их ценности продолжали объявлять более древними.

В. С. Голенищев, которому посчастливилось приобрести несколько фаюмских портретов²¹⁶, заинтересовался временем их изготовления и нашел подтверждение датировки их римской эпохой в приобретенном им в Каире саване-пелене с нарисованной фигурой покойного между Осирисом и Анубисом²¹⁷. Очень тщательно вырисованное лицо покойного, написанное на отдельном куске материи, вставленном в пелену, является бесспорно весьма близким по работе фаюмским портретам. Вместе с тем В. С. Голенищев подчеркивает, что «гиероглифические надписи, равно как и фигуры божеств на саване, по своему стилю никак не могут быть отнесены к Птолемеевской эпохе, а прямо указывают на эпоху более позднюю — римскую»²¹⁸.

Не прошла бесследно исследовательская работа В. С. Голенищева и в решении вопроса о датировке тех относимых по технике к роду гобеленов тканей, которые происходили из Ахмимского Коптского кладбища²¹⁹. Обратив внимание на восхождение сюжетов ахмимских тканей частью к христианскому, частью к языческому мировоззрению, В. С. Голенищев делает вполне закономерный вывод об отнесении изготовления этих тканей «к тому времени, когда христианство настолько окрепло в Верхнем Египте, что около Ахмима возникли уж

²¹⁶ Они были изданы В. С. Голенищевым (ЗВОРАО, т. III, 1888, табл. II). Одному из них Б. В. Фармаковский посвятил специальное исследование, названное выше, в сноске 37.

²¹⁷ Там же, табл. III.

²¹⁸ Б. А. Тураев, *Египетская литература*, т. I, стр. 6—7. — К той же эпохе относятся и отмеченные В. С. Голенищевым маленькие черные фигуры, изображенные на саване-пелене.

²¹⁹ Там же, табл. IV—V. — Здесь изданы образцы ахмимских тканей, имевшихся в собрании В. С. Голенищева.

монастыри и возле них христианские кладбища, а вместе с тем язычество еще не настолько исчезло, чтоб следы его не обнаруживались, хотя бы в орнаментах тех одежд, в которые не брезговали одеваться сами христиане». Поэтому В. С. Голенищев не мог согласиться с мнением Г. Масперо, датировавшего ахмимские ткани эпохой между вторжением арабов в Египет и X в., и настаивал на том, что среди этих тканей имелись безусловно такие, которые древнее VII в. нашей эры²²⁰.

Особенно же глубокий след оставила исследовательская работа В. С. Голенищева в области истории Египта, когда он решил проблему датировки знаменитых танисских сфинксов из черного гранита, создание которых А. Мариэтт ошибочно приписал гиксосским царям.

Уже в 1891 г. В. С. Голенищев высказал в своем каталоге египетских памятников Эрмитажа сомнение в правильности датировки А. Мариэтта при описании статуи царя XII династии Аменемхета III, в чертах лица которой его опытный глаз нашел отраженными костлявые, широконосые лица названных сфинксов²²¹.

В 1893 г. В. С. Голенищев окончательно убедился на основании детального сопоставления названной статуи Аменемхета III Эрмитажного собрания, а также статуи того же царя его собственной коллекции с танисскими сфинксами, что лица последних передавали портретные черты этого крупнейшего предшественника XII династии, завершившего грандиозные работы по освоению Фаюмского оазиса²²².

Исследование Владимира Семеновича выдержало испытание временем. У нас Б. А. Тураев принял безоговорочно датировку В. С. Голенищевым танисских сфинксов²²³, а за рубежом крупнейший историк древнего Египта Д. Г. Брестэд объявил вместе с русским египтологом лица танисских сфинксов портре-

²²⁰ Там же, стр. 14.

²²¹ В. С. Голенищев при описании статуи Аменемхета III замечает, что «черты лица являются суровыми и напоминают черты сфинксов из Таниса, которые обычно приписывают царям гиксосам» (W. S. Golénisheff, *Ermitage Impérial. Inventaire de la collection égyptienne*, p. 84, № 729).

²²² W. S. Golénisheff, *Amenemha III et les sphinx de «San»*, — RT, t. 15, 1893, p. 131—136.

²²³ В примечании 1 на стр. 612 русского перевода «Истории человечества», изданной под редакцией Г. Гельмольта, Б. А. Тураев подчеркивает, что В. С. Голенищев доказал принадлежность танисских сфинксов Аменемхету III. Тем самым Б. А. Тураев исправил неточность, допущенную в тексте автором раздела по истории древнего Египта К. Нибуром (Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 227).

тами Аменемхета III ²²⁴. Правда, в конце 30-х годов была подвергнута сомнению датировка таниссских сфинксов временем правления Аменемхета III и отождествление их лица с портретом названного фараона Среднего царства. Вместо этого было предложено считать временем их создания эпоху Древнего царства. Но в 1955 г. было опубликовано исследование, объявившее новую датировку сфинксов «приемлемой с трудом» и подкрепляющее датировку, предложенную В. С. Голенищевым, привлечением нового памятника, который говорит в пользу отождествления лица таниссских сфинксов с лицом портретных статуй Аменемхета III ²²⁵.

Вопросам датировки было посвящено предисловие В. С. Голенищева к изданию им в 1913 г. папирусов № 1116 А и 1116 В Эрмитажного собрания. Как я уже упоминал, его исследованке позволило установить, что счетные документы, написанные на лицевой стороне обоих папирусов, были составлены во время соправительства Тутмоса III и его сына Аменхотепа II и что длительность этого соправительства обнимала большее количество лет, чем раньше предполагали ²²⁶. Сейчас я хочу лишь отметить интересное для историка наблюдение, сделанное В. С. Голенищевым над списками пребывавших в столице Египта послов городов-государств Сирии и Финикии, перечисленных в счетном папирусе № 1116 А Эрмитажного собрания. Согласно остроумному предположению В. С. Голенищева, эти списки азиатских городов, представители которых во время своего пребывания в Египте получали иждивение из закромов фараона, могли лечь в основу списка чужеземных стран и городов, увековеченных на стенах Карнакского храма ²²⁷. Тем самым

²²⁴ Д. Г. Брэстед, *История Египта с древнейших времен до персидского завоевания* (пер. В. Викентьева) т. I., М., 1915, стр. 211—212; см. также утверждение о принадлежности таниссских сфинксов Аменемхету III (H. R. Hall, *The Cambridge ancient history*, vol. I, London, 1928, p. 309). — Особо стоял в вопросе о датировке таниссских сфинксов Фл. Питри. Правда, он, подобно другим историкам древнего Египта, отказался от датировки таниссских сфинксов гиксосской эпохой, но видел в них памятники, созданные во время вторжения южных племен между VII и X династиями. В лицах таниссских сфинксов Фл. Питри усматривал этнографический тип, близкий современным галласам.

²²⁵ См. следующее небольшое, но очень ценное исследование: J. R. Nagis, *The date of the «Hyksos» sphinxes*, — *JEА*, vol. 41, 1955, p. 123.

²²⁶ Вывод, к которому пришел В. С. Голенищев о длительности соправительства Тутмоса III и Аменхотепа II, хорошо согласуется с хронологией Нового царства, засвидетельствованной в подлинном манефоновском списке царей Египта (В. В. Струве, *Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства*, — *ВДИ*, 1946, № 4, стр. 16—17).

²²⁷ W. S. Golénisheff, *Les papyrus hiératiques...*, p. 5.

В. С. Голенищев вернулся в 1913 г. к проблемам, связанным с карнакскими списками чужеземных стран, которые он в молодые годы внимательно изучал, исправляя ошибки, допущенные А. Мариэттом, первоиздателем этих текстов²²⁸.

Ряд своих исследований В. С. Голенищев посвятил различным нерешенным проблемам истории Египта. Так, он пытался на основании списка египетских городов, приведенного в словнике его коллекции²²⁹, определить место поражения ливийцев в одной из войн конца Нового царства²³⁰. В. С. Голенищев не избегал касаться вопросов истории и в своем каталоге египетских памятников Эрмитажа. На самом деле, он не ограничился здесь простой констатацией частичного уничтожения имен собственников двух больших гранитных саркофагов Саисской эпохи — военачальника Яхмоса и его матери, царской жены Нехтесбастетероу, а пытается определить то лицо, по повелению которого были повреждены имена собственников этих саркофагов. Он высказывает вполне приемлемое с точки зрения истории предположение, что указанные имена были частично стерты по повелению Камбиса, завоевавшего Египет и свергнувшего XXXVI династию. Согласно Геродоту, персидский завоеватель преследовал память фараона Яхмоса, и поэтому он, наверно, уничтожал и имена близких родственников царского дома Египта, каковыми были, очевидно, и тетка фараона, военачальник Яхмос, и его мать, царская жена Нехтесбастетероу²³¹.

Я уже говорил выше о ценном памятнике времени персидского владычества — стеле Дария I, раскопанной В. С. Голенищевым вблизи Телль-эль-Масхута. В исследовании, посвященном открытой им надписи великого персидского царя²³², В. С. Голенищев специально остановился на восстановлении фрагментированного в надписи списка народов, входивших в состав державы Ахеменидов. Работа по реконструкции списка народов была очень нелегкой, так как аналогичные списки на других стелах Дария I — на стеле, найденной вблизи Шалуфа²³³, и на так называемой Суэцкой стеле²³⁴ — сохранились

²²⁸ См. сноску 94.

²²⁹ Об этой энциклопедии-словнике собрания В. С. Голенищева см. стр. 12 данной работы.

²³⁰ W. S. Golénischeff, *Offener Brief an Herrn Professor G. Steindorff*, S. 101—106. См. также сноску 42 данной работы.

²³¹ W. S. Golénischeff, *Ermitage Impérial, Inventaire de la collection égyptienne*, p. 94.— Предположение Владимира Семеновича было принято Б. А. Тураевым (Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. II, стр. 125).

²³² RT, t. 13, 1890, p. 99—109.

²³³ G. Posener, *La première domination...*, p. 63.

²³⁴ *Ibid.*, p. 81.

еще хуже и поэтому не могут оказать существенной помощи при восстановлении списка народов на стеле из Телль-эль-Масхута. Тем не менее В. С. Голенищев блестяще справился о поставленной перед собой задачей, что подтвердилось тщательной проверкой результатов его работы. Проверка была произведена Г. Позенером при переиздании стелы из Телль-эль-Масхута и подтвердила существенные моменты реконструкции В. С. Голенищевым списка народов державы Ахеменидов, перечисленных на стеле

В начале того же 1889 г., когда В. С. Голенищев раскопал стелу Дария I вблизи Телль-эль-Масхута, он совершил археологическую экскурсию в древний город Веренику на берегу Красного моря. Во время экскурсии он изучил небольшой храм Сети I в сутках пути от Нила, посетил старинные рудники, где, может быть, в эпоху Нового царства добывалось золото, определил точнее положение тех станций на древнем караванном пути, названия которых сохранились в труде Плиния и в итинерарии Антонина, и, наконец, ознакомился с развалинами самого города Вереники. Он повсюду списывал встречающиеся надписи и обогащал тем самым, как и во время своей поездки в Уади Хаммамат²³⁵, эпиграфический материал древнего Египта, столь ценный для историка²³⁶.

В. С. Голенищев в своем стремлении содействовать дальнейшим успехам в области изучения истории Египта и смежных с ним стран произвел археологические изыскания в Нубии и в сазисах. Эти его работы были поставлены Б. А. Тураевым рядом с материалами экспедиций такого выдающегося египтолога, каким был Г. Бругш²³⁷.

Проблемы религии, игравшие в жизни народа древнего Египта, как в обществе докапиталистического периода, столь выдающуюся роль, не оставались, конечно, вне круга внимания В. С. Голенищева, и он касался их в своих многочисленных работах наряду с вопросами письма, языка, литературы и истории. Среди богатого научного наследства В. С. Голенищева имеются и такие исследования, которые специально посвящены истории религии. Одна из подобных работ была опубликована в ранние годы исследовательской деятельности В. С. Голенищева — в 1882 г.; объектом ее изучения были два изображения, относящиеся ко времени римской эпохи, срисованные им в городище Кау-эль-Кебир на восточном берегу Нила во время

²³⁵ Ibid., p. 18—19.

²³⁶ См. ЗВОРАО, т. V, 1890, стр. 19—21; RT, t. 13, 1890, p. 75—96, pl. I—VII.

²³⁷ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 23.

посещения Среднего Египта зимой 1879/80 г.²³⁸. Здесь был древний город, который греки называли Антеополем, по имени таинственного бога, отождествлявшегося ими со своим Антеем. Бог, покровитель Антеополя, был изображен вместе с богиней Нефтидой, и его своеобразный облик в виде бородастого вооруженного мужчины, державшего в руке газель, был тщательно изучен Владимиром Семеновичем, сопоставившим его, с одной стороны, с Дионисом, а с другой — с семитическим богом Решефом²³⁹, почитаемым в Египте. Через 12 лет В. С. Голенищев снова вернулся к проблеме бога Антея, когда ему посчастливилось в музее Гизе найти изображение этого любопытного божества, представленного в данном случае не только с Нефтидой, но и с Гарпократом²⁴⁰. Он подверг и это изображение детальному анализу, и результаты исследования были приняты А. Эрманом в его известном труде по истории религии древнего Египта²⁴¹.

Я уже говорил, что В. С. Голенищев изучил не только памятники письменности, но также и памятники искусства, как, например, статуи Аменемхета III, которые, как и статуи его предшественника Сенусерта III, согласно определению М. Э. Матье, «показывают блестящее разрешение основной проблемы придворного искусства этого периода — проблемы создания реалистического царского портрета»²⁴². Проблемы истории египетского искусства были затронуты В. С. Голенищевым в исследовании, связанном с изданием большой стелы вельможи начала XXI в. по имени Хунена²⁴³. Он остановился здесь наряду с интересным религиозным текстом, начертанным на стеле, и на рельефных изображениях памятника, а тем самым и на значении искусства XI династии.

Говоря о значении В. С. Голенищева для египтологии, я стремился выявить основные достижения его интенсивной исследовательской деятельности, которая протекала почти в равной степени и на его родине, в России, и в любимом им Егип-

²³⁸ W. S. Golénischeff, *Über zwei Darstellungen des Gottes Antaeus*, — ZAS, Bd 20, 1882, S. 135—145, taf. 2.

²³⁹ Решеф многократно упоминается в текстах Угарита (С. Н. Gordon, *Ugaritic Handbook*, vol. III, Roma, 1947, p. 271 a).

²⁴⁰ W. S. Golénischeff, *Eine neue Darstellung des Gottes Antaeus*, — ZAS, Bd 32, 1894, S. 1—2, taf. 1.

²⁴¹ A. Erman, *Die Religion der Ägypter*, Berlin, 1934, S. 394, 455.

²⁴² Автору принадлежит заслуга высказаться одной из первых против попыток отодвинуть портретные статуи Аменемхета III к эпохе Древнего Царства (М. Э. Матье, *Искусство Среднего Царства*, стр. 63).

²⁴³ В. С. Голенищев, *Египетская могильная плита № 4071*, — «Памятники...», вып. 1—2, стр. 3—18, табл. I.

те. Мне хочется подчеркнуть его безграничную и бескорыстную преданность исследовательской работе не только в области египтологии, но и в востоковедении вообще. Самоотверженное отношение к науке побуждало В. С. Голенищева к скорейшему изданию памятников, открытых им или принадлежавших ему. Так, он издал, не дожидаясь окончательных результатов многолетнего детального изучения, уже в 1891 г. двадцать четыре «каппадокийские таблички» своей коллекции, ибо стремился посредством своих автографий скорее представить эти почти неизвестные до того документы на рассмотрение ученым, занятым изучением клинописных памятников²⁴⁴. Я уверен, что В. С. Голенищев сам при более длительном изучении своих «каппадокийских табличек» определил бы их в качестве древнейших предстательниц ассирийской письменности²⁴⁵. Но он не мог допустить, чтобы столь уникальные письменные памятники оставались так долго недоступными специалистам.

Побуждаемый тем же благородным стремлением обогатить науку новыми ценными источниками, Владимир Семенович в максимально короткий срок опубликовал результаты своей эпиграфической экспедиции в Уади Хаммамат, реконструкцию и интерпретацию фрагментированного иероглифического текста стелы Дария I, раскопанной им вблизи Тель-эль-Масхута²⁴⁶, иероглифическую транскрипцию и перевод фрагментированного иератического папируса, содержащего отчет Уну-Амона²⁴⁷, и другие издания памятников. В этом отношении наш соотечественник выгодно отличался от знаменитого французского археолога и египтолога А. Мариэтта²⁴⁸.

Другим проявлением его бескорыстного служения науке являлась постоянная готовность В. С. Голенищева предоставить любой ценный памятник своей коллекции тому ученому, который им заинтересовался и который, по его мнению, мог успешно справиться с трудностями, стоящими на пути издателя. Так, Владимир Семенович опубликовал четкие фототипии рукописей с неизвестным ему шрифтом, приобретенные им зимой 1888/89 г. в Египте, и мотивировал опубликование фототипий следующим характерным для него заявлением: «Предлагаю их

²⁴⁴ W. S. Golénisheff, *Vingt-quatre tablettes Cappadociennes de la collection W. Golénisheff*, SPb., 1891, p. 1.

²⁴⁵ Уже при издании этих табличек он отметил в их тексте ассирийские слова.

²⁴⁶ См. стр. 29—35.

²⁴⁷ См. стр. 81 и сл.

²⁴⁸ Так, А. Мариэтт в течение нескольких лет задерживал издание многочисленных памятников, найденных в открытых им гробницах священных Апис-быков.

на рассмотрение ученых более опытных, чем я, в дешифровке еще неизвестных писем»²⁴⁹. Купленный в Александрии той же зимой фрагмент папируса с остатком еврейского текста был передан В. С. Голенищевым крупному русскому гебраисту А. Я. Гаркави²⁵⁰, а приобретенные тогда же в Каире две клинописные таблички он предоставил для издания английскому ученому Сэйсу²⁵¹. Греческие надписи собрания В. С. Голенищева получил для издания хранитель Отдела древностей Эрмитажа Е. М. Придик²⁵², а коптские тексты — египтолог и коптвед О. Е. Лемм²⁵³.

Он предоставил А. Эрману издание иератического папируса конца Среднего царства, содержащего гимны коронам бога Собка, почитаемого в Крокодилополе²⁵⁴, а А. Гардинеру, подарившему египтологию почти не поврежденный образец своеобразной энциклопедии, созданной в эпоху Нового царства²⁵⁵, передал фотографии иератического папируса конца Нового царства. Ф. Грифиту — одному из наиболее искусных чтецов демотического курсива — В. С. Голенищев переслал фотографии нескольких демотических папирусов²⁵⁶, а молодому французскому египтологу Г. Позенеру Владимир Семенович уступил фотографии с эстампажей, снятых с фрагментов стелы Дария I во время раскопок последней вблизи Телль-эль-Масхута²⁵⁷.

Отношение В. С. Голенищева к своим товарищам по науке находило яркое выражение в той справедливой оценке их достижений, которую он давал им в различных своих работах. Так, он отмечал в отчете о своей эпиграфической экспедиции в Уади Хаммамат, что ее результаты «могут быть поправлены и пополнены» изданными Р. Лепсиусом Хаммаматскими надписями. Вместе с тем В. С. Голенищев считал своим долгом защитить своего предшественника от обвинения в отсутствии филологической акрибии и поэтому заявил: «Нельзя, конечно, упрекнуть знаменитого немецкого ученого в небрежности за те неточности, которые попадают в его издания, особенно если

²⁴⁹ ЗВОРАО, т. V, 1890, стр. 2, прим. 1, табл. I (№ 1, 2, 3).

²⁵⁰ Там же, стр. 31.

²⁵¹ Там же, стр. 8.

²⁵² См. сноску 28.

²⁵³ «Все привезенные мной коптские рукописи из Ахмима переданы на рассмотрение моему другу Оскару Эдуардовичу Лемму, посвятившему себя за последнее время почти исключительно изучению коптских текстов» (ЗВОРАО, т. V, 1890, стр. 15, прим. 4).

²⁵⁴ См. сноску 40.

²⁵⁵ См. сноску 42.

²⁵⁶ F. L. Griffith, *Catalogue of the Demotic Papyri in the John Rylands Library at Manchester*, vol. III, Manchester, 1909.

²⁵⁷ G. Posener, *La première domination...*, p. 54.

принять во внимание, что надписи изданы Р. Лепсиусом по эстампам, а не по собственноручным спискам»²⁵⁸.

Высоко ценил Владимир Семенович труды такого гиганта в мире египтологии, каким был Г. Бругш. Он восхвалял необычные знания немецкого ученого в области египетской письменности, которые позволили Г. Бругшу создать для египтологии монументальные энциклопедические издания по языку, географии и т. д.²⁵⁹ В. С. Голенищев отметил также и остроту глаза Г. Бругша, умевшего найти среди множества папирусных фрагментов тот обрывок, который имел отношение к одному из известных ему литературных памятников древнего Египта²⁶⁰. В. С. Голенищев с большим уважением относился к талантливому французскому египтологу и востоковеду Г. Масперо, которого считал своим учителем и которому посвятил самый выдающийся свой труд — издание сказки о потерпевшем кораблекрушение с исчерпывающим филологическим комментарием²⁶¹. Столь же справедливой была оценка со стороны В. С. Голенищева достижений А. Эрмана, с которым он неоднократно вступал в серьезную научную полемику. Уже в 1888 г. В. С. Голенищев безоговорочно причислил А. Эрмана наряду с Г. Эберсом к авторитетам в области египтологии²⁶². В большом труде «Le conte du naufragé», в котором оспариваются установки А. Эрмана, В. С. Голенищев подчеркнул дружеское отношение к своему научному оппоненту²⁶³ и дал высокую оценку яркому исследовательскому таланту и точности знания выдающегося немецкого ученого²⁶⁴. В 1922 г. В. С. Голенищев назвал в своей работе об египетском синтаксисе установление А. Эрманом так называемого псевдопартиципия «блестящим исследованием» и подчеркнул, что его автор «внес точный порядок в смутные сведения, которые имелись до него относительно различных видов египетского партиципия»²⁶⁵. В работах Владимира Семеновича мы находим самые лестные отзывы и о других современных ему адептах египтологической науки, как, например, о друге его А. Гардинере²⁶⁶.

²⁵⁸ ЗВОРАО, т. II, 1887, стр. 73.

²⁵⁹ ZAS, Bd 20, 1882, S. 145—148.

²⁶⁰ RT, Bd 21, 1899, p. 1.

²⁶¹ Слова посвящения, определившие значение Масперо для работы Голенищева, можно найти в упоминавшемся труде последнего — «Naufragé».

²⁶² ЗВОРАО, т. V, 1890, стр. 5.

²⁶³ Там же, стр. 63, прим. 1.

²⁶⁴ Хочется отметить, что В. С. Голенищев не разрешал себе никакого резкого суждения в полемике с любым научным противником.

²⁶⁵ W. S. Golénisheff, *Remarques*, p. 685—689.

²⁶⁶ W. S. Golénisheff, *Les papyrus hiératiques...*, p. 1.

В свою очередь работы В. С. Голенищева находили признание со стороны зарубежных египтологов. Так, Г. Бругш в своей «Истории египтологии» называет его «чрезвычайно одаренным ученым в египтологической области» и отмечает, что ряд исследований В. С. Голенищева являются «свидетельствами его выдающихся знаний и критической проницательности»²⁶⁷. Автор известного труда «История Египта», выдающийся американский египтолог Д. Г. Брэстед упоминал в весьма лестном контексте имена трех крупнейших русских египтологов, когда он в предисловии к русскому переводу своего труда выражал «чувство признательности за ту великую честь, которая ему оказана появлением его книги на русском языке — в стране, где египтология столь почетно представлена такими выдающимися именами, как В. С. Голенищев, О. Э. Лемм и Б. А. Тураев»²⁶⁸.

Вместе с тем следует с сожалением отметить, что большая работа В. С. Голенищева в области грамматики и особенно синтаксиса египетского языка не нашла должной оценки тех крупнейших египтологов, достижения которых сам В. С. Голенищев охарактеризовал справедливо и адекватно. А. Эрман в своей автобиографической книге «Mein Werden und mein Wirken», опубликованной в 1929 г., ни разу не упомянул имя русского египтолога, хотя он мог это сделать, вспоминая свою исследовательскую работу и над папирусом о путешествии египтянина Уну-Амона в Азию, и над папирусом, содержащим сказку о потерпевшем кораблекрушение, и, наконец, свое издание папируса с гимнами, посвященными богу Собку²⁶⁹.

К сожалению, А. Гардинер не упомянул имени В. С. Голенищева в кратком очерке египетской филологии, включенном в его классический труд «Egyptian Grammar», и не назвал его имени даже в том разделе грамматики, который был посвящен так называемому «псевдопартиципию», обозначенному им термином «The old Perfective».

Правда, следует указать в связи с этим, что грандиозный труд В. С. Голенищева, посвященный египетскому синтаксису, был закончен лишь незадолго до смерти и поэтому его ре-

²⁶⁷ Н. Brugsch, *Die Aegyptologie*, S. 145—146.

²⁶⁸ Д. Г. Брэстед, *История Египта с древнейших времен до персидского завоевания*, т. I, стр. XII.

²⁶⁹ К сожалению, А. Эрман в специальной главе своей автобиографии ни слова не говорит об исследовании им перечисленных трех литературных папирусов, несмотря на то, что результаты, полученные им при их изучении, обратили на себя внимание египтологов (А. Erman, *Mein Werden und mein Wirken*. S. 264—272).

зультаты не были доступными во всей полноте другим исследователям египетской грамматики.

Я уже говорил, что наличие в научном наследии В. С. Голенищева столь ценного, еще не опубликованного труда возлагает на нас, советских египтологов, священную обязанность приложить все усилия к скорейшему его опубликованию. Мне хочется верить, что и египетские ученые, посвятившие себя изучению истории и культуры древнего Египта, также примут участие в создании этого памятника В. С. Голенищеву, бывшему представителем не только русской, но и египетской науки, так как он был в течение ряда лет профессором университета в Каире.

Будучи учеником знаменитого русского арабиста В. Р. Розена, В. С. Голенищев еще студентом полюбил средневековую арабскую литературу, а затем, подобно другому ученику В. Р. Розена, выдающемуся арабисту И. Ю. Крачковскому, стал изучать язык и быт арабских стран.

Во время своих многолетних странствований по долине Нила В. С. Голенищев расширял и углублял свои знания языка и быта современного египетского народа, который стал ему близким и родным, к которому он всегда относился с любовью.

Он изучал жизнь и быт феллахов²⁷⁰ и бедуинов восточной пустыни Египта²⁷¹. В качестве египтолога он всегда внимательно следил за всяким достижением египетских ученых в области науки об истории и культуре древнего Египта²⁷². Став профессором университета в Каире, он в противоположность английским и французским ученым принял самое активное участие в подготовке национальных кадров египтологов. Египетская научная общественность высоко оценила плодотворную деятельность В. С. Голенищева, открывшего представителям египетской нации доступ к египтологической науке, и ему был посвящен в ознаменование его заслуг на этом поприще, а также его достижений в области египтологии специальный сборник²⁷³.

²⁷⁰ См. В. С. Голенищев, *Два древнеегипетских юрористических рисунка*, — ИРАО, т. I, вып. 3—6, 1884, стр. 261—265.

²⁷¹ См. ЗВОРАО, т. II, 1887, стр. 68 и сл.

²⁷² См. ЗВОРАО, т. V, 1890, стр. 3 и сл.

²⁷³ Сборник был приурочен к шестидесятому путешествию В. С. Голенищева в Египет. Текст посвящения гласил: «A Wladimir Golénisheff pionnier de l'Égyptologie à l'Université du Caire». Сборник был опубликован в 1939 г. (ASAE, t. XXXIX, 1939). Указанию на данный сборник я обязан любезности М. А. Коростовцева, за что и приношу ему глубокую благодарность.

Мы, советские египтологи, должны гордиться участием нашего соотечественника в создании национальных египетских кадров исследователей, изучающих древнюю историю и культуру долины Нила. Тем самым В. С. Голенищев содействовал в своей области наступлению «завтрашнего дня во всемирной истории».
